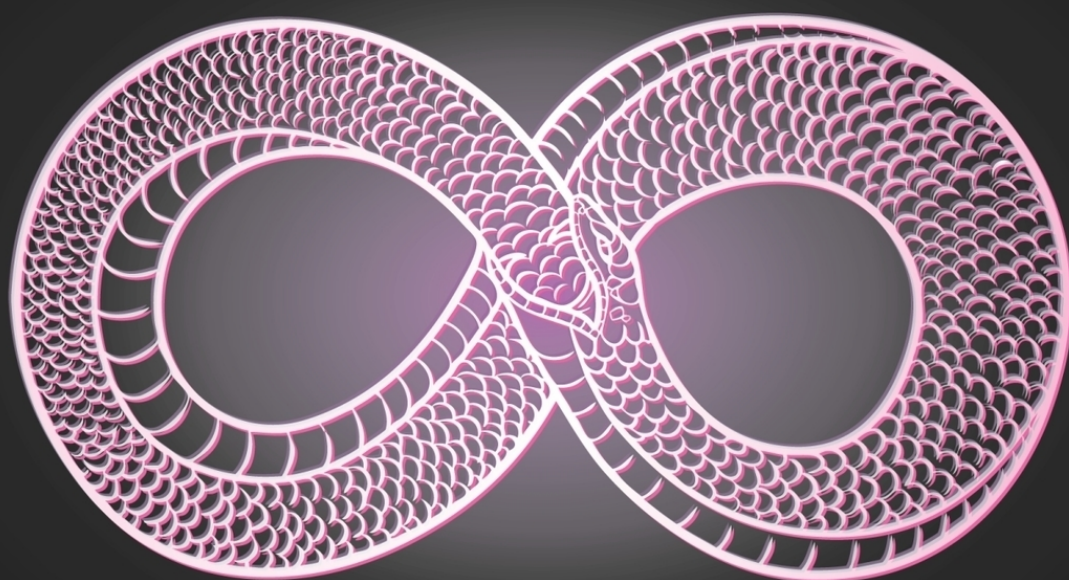

КОЛЛАБОРАЦИЯ

НИКИФОРОВ Д. А.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дмитрий Никифоров

Коллаборация

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Никифоров Д. А.

Коллаборация / Д. А. Никифоров — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Почти десять лет прошло с тех пор, как человечеству стало доступно бессмертие. Но цена вечной жизни оказалась столь велика, что невозможно понять - дар это или проклятие? Власть имущие решили взять выбор в свои руки, погрузив мир в многочисленные войны. Россия в очередной раз выстояла, пожертвовав десятками миллионов жизней. Общество теперь крепко и солидарно, как никогда в истории. Враг внешний и враг внутренний не дают отвлечься на такие химеры, как демократия и права человека. Даниил Сухарев живёт в этом мире, пользуясь его благами и пытаясь сохранить связь с миром старым. И вот однажды поздним пятничным вечером он встречает девушку, изменившую его жизнь навсегда. Содержит нецензурную брань.

© Никифоров Д. А., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава первая, в которой двое пытаются пережить осаду.	5
Варшава. 4 года назад.	5
Глава вторая, в которой давние друзья вновь собираются в полном составе, но из-за двух девушек всё идёт наперекосяк.	9
Санкт-Петербург, зелёная зона.	9
10 минут назад.	21
Глава третья, в которой Даниил Сухарев понимает, что он не совсем человек.	26
Глава четвёртая, в которой Сухарев идёт на работу.	30
Утро. Комплекс “Нева-1”.	30
Глава пятая, в которой Олег просыпается после беспокойного сна и говорит с офицером ФСБ по имени Ольга.	38
Бар «Фишбон». 10 часов назад.	41
Глава шестая, в которой Ольга Борщёва видит очень странные вещи.	46
6 дней назад. Под Санкт-Петербургом. Жёлтая зона.	46
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Глава первая, в которой двое пытаются пережить осаду.

Варшава. 4 года назад.

Блики от костров и десятков факелов играют на стенах коридора. Я кожей чувствую взгляды, полные страха и злобы. Развороченная пулей грудь горит и клокочет пробитым лёгким. Крошево из кирпича и остатков стекла хрустит подо мною, пока я пытаюсь встать. Решётки на окнах, из прута в два дюйма толщиной, беспомощно свисают на остатках петель. Если крепость некому защищать, она превращается в ловушку.

– Когда они заявили о себе, весь мир назвал их избранными, но кто избрал их? Те, кто их прославил, увидели в них посланников Господних! Но как люди, порога церкви не переступившие, отличат посланника Господа? Лишь мы увидели, что дьявол их избрал для испытания нашей веры! Ибо спрошено будет за дела наши мирские лишь на том свете, но убоятся ли ответа те, кто смерти не подвластен?

“Бом, бом, бом..” – вот и колокол звонит по мне.

– Яка курва! Увидели они! Сейчас они у меня увидят! Тебя, алкаша, из церкви выперли, а ты в политику полез, болтливый осёл, – кричит Виктор, со скрежетом задвигая последнюю ставню. Бом!

– Виктор, этот грех и тебе присущ. Негоже на основании этого о людях судить. Хватит ругаться, ещё и на себя гнев навлечёшь.

– Что?!

– Кх-кх-кх...

– Пан Вайцеховский, Вы, очевидно, сказали что-то нравоучительное, но я Вас не понимаю. Вам лучше сейчас помолчать. Увидь я Вас в иных обстоятельствах, то не узнал бы и пристрелил из-за страха... или из жалости. Извините. Виктор смущённо отвернулся и пригубил флягу, незаметно оказавшуюся у него в руке.

Посмотрев вниз, я увидел своё отражение в куске стекла торчащем из горла. Белки моих глаз выделялись на кровавом месиве, в которое превратилось лицо. Нашупав осколок, я потянул его, извергнув из себя кровавую пену.

– Сидите, пан, – Виктор длинной жилистой рукой прислоняет меня к стене. – У них ДШКМ и они не настроены на диалог, – посмотрев через сквозное отверстие в стене, он откашлялся и продолжил делиться своими наблюдениями, – магазин напротив разнесли, благодетели чёртовы.

– Виктор, Виктор... почему всё так произошло? Я же ничего им не сделал. Я просто хотел жить.

– Пан, к этому всё так стремительно и очевидно шло и просто удивительно, что Вы ещё остались в Варшаве. Что Вы вообще остались в Польше.

– Но ведь я тоже поляк. Я ничем не отличаюсь от любого из них. У нас один язык, одна вера...

– Ха-ха-ха-ха, кх-кх, – Виктор рассмеялся и закашлялся. Зажав губами сигарету, он прикурил и вдохнул дым, словно это был глоток свежего воздуха. – Пан, ещё скажите одной крови! Господи, какая непроходимая наивность, ох! Коллаборанты, вампиры, упыри – у них нет национальности. Это же система – эти сверху, а весь люди скот.

– Но ты же на меня работал! Когда я относился к тебе как к скоту, Виктор?

– Я до сих пор работаю. За 20000 злотых в месяц. Вопрос не в Вас конкретно, пан, а в образе, в том что видят те ублюдки за окном.

– Тогда какого чёрта ты нянчишься здесь со мной?

– Потому что я не люблю, когда поступают бесчестно. Мне пришлось в своё время поработать на красных, чего мне не простили. Я делал это ради брата, а он меня сдал говнюкам из “Солидарности”, когда те взяли власть.

– А на меня ты работаешь ради сына?

– Нет. Это неблагодарное змеиное отродье и так бы попало в вашу программу лечения рака. А так он вылечился, да вступил в ПКС! Я уже получил волчий билет и эту чашу мне придётся испить до дна.

– Когда они заявили, что могут своим “даром” поделиться, многие назвали их новыми Мессиями, но несли ли они учение о том, как приблизится к Господу Богу? Нет! Они учили лишь упиваться пороками до конца времён! Жить для удовлетворения желаний своих! Лишь мы тогда забили в набат, о том возглашая, что Ад спускается на землю, ибо бессмертной души в нашем мире быть не может, а Рай уготован лишь праведникам! А может ли душегуб быть праведником? Нет!

– Виктор, это несвязная чушь.

– Очень может быть, но Пан! Как человеку, пожившему на этом свете немало, такое простительно. Нам лучше отсюда убираться. Через ставни они не полезут. Пока не полезут. Но ещё пара очередей по стенам и нам не поздоровиться. Вы можете идти?

Я утвердительно киваю, извергая из себя ещё порцию крови. При попытке подняться валюсь на бок, не чувствуя ноги.

– У меня нога, кажется, в лишнем месте сгибается.

– Матка Боска. Насколько это мужественно, настолько же это нелепо! Давайте я вам дам своей крови, с меня не убудет.

– Нет! Ни в коем случае!

– А если у Вас затмит разум?! Вы же на меня наброситесь как с третьей ночи!

– Пока моя голова цела, я контролирую жажду. Я поклялся не пить человеческую кровь и клятву не нарушу.

– Да кому есть дело до твоих клятв?! На тебя три трупа повесили!

– Замолчи, Виктор! – с лестницы послышался топот.

– Что такое?! Как мне ещё Вас отсюда вывести?

– Виктор! Тсс!

Виктор замолк, прислушался, сорвался с места и, кряхтя, неуклюже побежал к коридору.

– Виктор, ты куда?

– Сидите на месте, пан! – ответил он мне, дополнив сказанное жестом руки. Добравшись до конца коридора, где был выход к лестнице, остановился, опустив ружьё. Выпрямился во весь рост, на морщинистом лице обозначилось удивление, смешанное с радостью. – Томас! Какими судьба..., – его возглас оборвал сухо стукнувший в лицо приклад.

Обугленные кожа и мышцы затрепали при попытке переползти в оконному проёму. Не успел, заметили. Двое в капюшонах, с платками на лицах, чуть не споткнувшись об обездвиженного Виктора, ворвались в коридор.

– Стой, кровосос! Замри, гад! Замри! Не двигайся! Курва! Подними руки! – заорали они, трясая стволами автоматов в двух метрах от меня. Да не двигаюсь я, мать вашу! Это были парень и девушка. Орал больше парень, а девушка беззвучно шевелила губами под платком.

Я встал на колени, пытаюсь поднять руки. Что ж, если мне уготован такой финал, то придётся смириться.

– Мы знаем! Мы знаем, что движет ими! Движет ими не любовь, движет ими жажда! Жажда крови и порок! Множить зло по всему миру надобно им! Стоило Польше одного из этих гадов на груди пригреть, как в самое сердце вонзились они своими ядовитыми зубами. Лодзь! Ужгород! Хелм! Мы не забудем! Поляки никогда не забывают!

Боже, за что мне это?! Я же всё для вас делал, дураки! Я дал вам лекарство от всех болезней, я дал вам рабочие места, я дал вам всем возможность оставаться теми, кто вы есть – тупым неблагодарным скотом! Нет! Нет... Приди в себя! Они не все такие... Они не все...

– Ну стреляйте же! Стреляйте! Но запомните, что вы убьёте невинного! И как бы вы, таких как я, не называли, не обесчеловечивали, убийцами будете ВЫ!

– Тварь, да вас как насекомых давить надо!

– Не стрелять!

Сзади показались ещё двое – долговязый парень с обрезом в руках, одетый подобно тем, что смотрели на меня через прорези прицелов и огромного роста мужчина с пулемётом через плечо и с длинным чехлом в руке. Великан извлёк из него штатив и установил на него камеру.

– Томас, кончай его, – сказал он, закончив манипуляции с оборудованием.

– Но, пан Антони, он и так сдаётся.

– Я могу его застрелить! – крикнул парень.

– Нет, Ежи! Томас, иди.

– Томас! Томас! Если ты это сделаешь, я тебя убью!

– Видишь, Томас, кто враг рода человеческого.

– Нет! Я не смогу контролировать... – я не успел договорить из-за пули, выпущенной мне в подбородок Антони. Поток крови захлестнул грудь, а изо рта вместо слов вырвался вой.

Томас поначалу отпрянул, испугавшись, но быстро собрался и, не оглядываясь на куратора, сделал шаг вперёд, поочерёдно взведя оба курка. В чёрной глубине стволов вспыхнул свет и тут же померк вместе с миром вокруг. И проснулось нечто иное...

Глава вторая, в которой давние друзья вновь собираются в полном составе, но из-за двух девушек всё идёт наперекосяк.

Санкт-Петербург, зелёная зона.

Пойло, именуемое тёмный эль, уносило в глубины желудка никотиновую смоль с языка и разливалось приятной прохладой по пищеводу, окутывая туманом мозг.

Прищуренные глаза смотрели поверх бокала на статную брюнетку, которая о чём-то говорила со своим странным спутником, вызывающим смутную тревогу.

– Даня! Даня! Ты чего залип? – Окликнул Даниила Руслан, до этого увлечённо барабанивший пальцами по столу в такт музыке. Металл, настойчиво орущий из потолочных динамиков, призывал оставить желание спокойно поговорить и заняться употреблением алкоголя. Озорно глянув своим косым глазом и расплывшись широкой улыбкой на мохнатом лице, он продолжил – Чего это мы на незнакомых барышень смотрим? А ну, давай, рассказывай, что у тебя там с Алёной? Было чего? – Руслан, жестами поясняя это "чего", потёр указательными пальцами друг об друга.

– Да на хрен её. – Ответил Даниил, заливая в себя остатки пива и, со стуком поставив бокал, констатировал, – совсем всё осточертело.

– Не случилось? – спросил Руслан, смотря одним глазом в глаза, а другим в душу или куда-то ещё, чего нельзя было понять из-за его косоглазия .

– Не, не, я ничего такого и не хотел. – Даня резко перевёл глаза на стол. Чиркнув зажигалкой, подпалил табак и шумно затянулся. – Ну я с ней встретился, хотел предложить на концерт сходить. Иль куда ещё... По классике всё, понимаешь, да?

– По “классике” сейчас три бабы на мужика. Вот, взгляни вокруг, Рус обвёл рукой зал, – мужиков, кроме нас, четверо, остальные – дамы. К любой подойди, так в штаны тебе ползет. Но нет, зациклился на одной ещё до войны. Терпильство, пережившее апокалипсис, это ж где такое ещё найти? Как тебя до сих пор не окольцевали, с учётом того, что рожа твоя не чета моей – красавчик впрямь, да и кукухой, как Олег, не поехал...

– Сейчас ты у меня сам кукухой поедешь, снайпер, блядь, – огрызнулся Олег.

– Братишь, я же любя! И чего было-то в итоге?

– Да пофиг, не суть. – Даниил хмуро посмотрел на Руслана и потушил недокуренную сигарету. – Как только увидел её, сразу руку в сумку за билетами запустил, да речь толкать приготовился. А она подходит с лицом каменным. Я ей улыбнулся, а она сразу в слезы и в плечо мне уткнулась:

– Меня Никита выгнал, сказал, что у нас отношения не развиваются и нам стоит пожить отдельно. Можно, я у тебя переночую?

– Ну, так сам Бог велел согреть её любовью, – бодро резюмировал Руслан.

– Не поминай имя Господа всуе, – сказал Олег, приступивший к потрошению следующего ролла. – Это же самый подходящий момент для рассказа о подругах, которых её любимый Никита тащит к себе в постель.

– Да, но нет. Она так расстроена была, что как-то не хотелось сверху ещё ведро помоев выливать.

– О, да! – воскликнул Рус. – Ты нам потом ещё будешь ныть – "почему это классные бабы с мудаками встречаются, а с тобой, таким честным и милым, у неё "френдзона"".

– Ну это реально было бы подло, в такой момент ей что-то говорить про похождения её "Никитки". Вот воспользовался бы я ситуацией, а как потом в глаза смотрел бы? – сопротивлялся Даниил.

– Правду говорить не подло, – поддержал Руслана Олег. – Вот и пойдёт она опять к Никите не потому, что он мудака, а потому, что он сильный и добивается всего, что ему надо. А это и надо бабе любой – чувствовать силу и решимость. А правду говорить – это тоже сила, при этом неплохая сила, как возможность кому-то морду набить.

– Ой, а тебя, конечно, за честность Катька и выбрала, а другие её ухажёры с неполным набором зубов из-за словесных баталий ходят, – съехидничал Даня.

– А чтобы честным быть, сила тоже нужна. И держать удар за правду сила иногда нужна большая, чем просто удар отвесить, – ответил Олег.

– И от кого же ты за правду удар держал? – спросил Даниил.

– От Кати держал...и она от меня держала, – вздохнул Олег.

– То есть? – Не понял Руслан.

– Расстались мы, – сказал Олег, понизив голос.

– Как так?! – удивились Даня с Русланом

– Да она с этими дебилами связалась, как там...а, вот – "общество борьбы за права гемозависимых". За права упырей – понимаете, да? – Олег решительным жестом взял у Руслана наполовину заполненный пивом бокал и затычным глотком опустошил его. – Я тебе возьму, не переживай, – обратился он к озадаченному Руслану.

– Да ладно, ты продолжай, – примиряюще ответил Руслан.

– Так вот, она месяца три назад такой лютой грипп подхватила, что её в больницу положили. Помните? – обратился к парням Олег.

– Ну? – поторопил Даня.

– Когда совсем всё было плохо, она очень сильно умереть боялась, – Олег смутился и продолжил, – да я сам тогда за неё боялся, откачали её чудом, конечно. После этого она о бессмертии мечтать начала. Постоянно мне рассказывала всю эту фигню о замкнутом цикле, периодах оптимального слияния бактерий, особенностях светобоязни, системах добровольного кровотока.

– Чего слияния? – не понял Руслан

– Ну то, что только через 40 минут можно замыкать цикл превращения, но сделать это надо не позже чем через трое суток. Короче, периоды, когда ви-бак плодиться может, – пояснил Даня.

– Да чума это, как не называй, – сердито ответил Олег. И тут она говорит, что у неё есть знакомая, которая полные обороты делает и через Финку в Норвегию переправляет и на это дело много денег нужно. Я вот на этом моменте подохренел и спрашиваю: – Как ты с этими выродками связалась? Они вне закона! А она мне: – Это шанс человечества на новую жизнь, но наши власти его отнимают! Ты разве не хочешь, чтобы мы друг друга вечность любили?

Ну я её и поставил перед выбором – или она с этой дрянью или со мной. Едрить, у неё оба брата в войну погибли, а она к коллаборантам хочет.

– М-да, дела. Ну хоть полувампом не хочет стать, – сказал Руслан.

– А разница? Если она с этой мразью ошивается, то заразится рано или поздно, – ответил Олег.

– Так-то да, – согласился Даниил, – представляете, два года страха, крови, Долгая зима. И после всей этой беды ещё есть люди, которые ввязываются во весь этот мрак.

– Конечно, капелланов ко всем приставим и заживём, – скептически высказался Руслан.

– Рус, ты о чём? – покосился на него Олег.

– Государство решает, что хорошо, что плохо, – Руслан помолчал, вздохнул и, выпустив табачный дым, проводил его взглядом до вытяжки, – но люди к этому стремятся, один чёрт. Вот у Кати оба брата в Москве погибли, да? Макс в команде зачистки был, в бою загинул (*капеллан упокоил*), а Стас?

– Что Стас?

– Что Стас, что Стас... Они же до последнего держались, без армии, без нормального оружия даже. А их сожгли всем районом! Как наживку использовали, чтобы собрать вокруг этих гоблинов ебучих и ОДАБом фиганули.

– Это была война! – зарычал Олег, – все на ней кого-то теряли. Один ты шарился хрен знает где. Рус, мать твою, не заигрывайся. Я не знаю, что ты там натворил, что под гэбнёй ходишь, но не считай умнее других. Понял!?

– Да замяли, мужики! – вмешался Даня, хлопнув по столу, – не будем об этом. Всё случилось, как случилось.

– Извиняйте, – Руслан откинулся на спинку, примиряюще приподняв ладони, – если я Катюшку твою отмазал, это не значит, что я под гэбнѐй. Разговоры разговаривать уметь надо. Всё вроде должно было быть решено... Ан нет, ещё будет продолжение.

– Ну ладно, парни, я за пивом, а то ощущение, что в душу нагадили, – Олег встал, потянулся и, уже ступив в сторону барной стойки, развернулся и спросил, – взять кому чего?

В ответ Даниил молча поднял два пальца, обозначающие два по ноль пять.

– Ясно. Рус? – Олег выжидающе посмотрел на Руслана.

– Ты меня извини, если чего не то ляпнул... – замялся Рус.

– Забей. Взять чего? – поторопил Олег.

– Водки и лимона возьми. Я деньги отдам, – ответил Руслан.

– Водки? Хорошо, – Олег задумчиво посмотрел на Руса и направился к барной стойке.

– Ты не переберёшь? – спросил Руслан, – с утра же ныл, что завтра тебе внеурочно работать и поэтому много не выпьешь и только ради Бори придешь.

– Да я завтра хоть как могу прийти, всё равно не заметят. Могу вообще не приходить, – Даня нервно закурил следующую сигарету.

– Начальство всё также не ценит? Твоя работа оказалась бесполезной? – спросил Руслан.

– Полезной, только непонятно кому. Я сделал не по техзаданию, сократив рассеивание за счёт отказа от работы в диапазонах, выпускаемыми обычными людьми. Настроил датчики на волны, излучаемые коматозниками, даже в больницу под это дело ездил.

– Не понял, а коматозники-то здесь причём? Ты же радары на коллабов настраиваешь.

– Ну коллабы же являются людьми в основном, а ви-бак лишь дублирует функции организма. Это у “единиц” печень не работает и им нужен постоянный приток свежей крови. Поэтому без ви-бака они практически мертвы, а ему приходится тратить много энергии и давать повышенную магнитную сигнатуру, а у “двоек”, то бишь Высших, такой проблемы нет. Их организм работает нормально, но ви-бак берёт на себя любые критические нагрузки, к которым относится любая жизнедеятельность.

– То есть для Высших одинаково, что встать с дивана, что родить?

– Именно, правда про роды, конечно, сильно сомневаюсь. А чей организм не испытывает никаких нагрузок? Правильно, коматозников.

– Получается, ты сделал радар на коматозников, который в теории должен срабатывать и на Высших.

– Вот в теории как раз и проблема. Тестовый калибровать надо, а не на ком.

– Или наоборот – много на ком.

– Ой, опять твои теории заговора.

– А есть, что против этого сказать? Ещё расскажи, что Красный список весь ликвидировали. Ты, Дань, за тылом смотри теперь.

– Не интересно, отстань. Борю, когда ждать? – сменил тему Даниил.

– А хрен знает, должен с минуты на минуту подойти. В Белоруссии отсиживался, козёл, – пренебрежительно бросил Руслан.

– Ну чего козёл-то сразу, – начал оправдывать давнего приятеля Даня. – Так у него получилось. Нам только позавидовать стоит.

– Боря не прошёл через то же самое, что и мы. Он вернётся, думая, что дома всё осталось как и прежде, что мы остались прежними, но это не так. Мы же покалеченные, Дань. Разве не так? Олег прошёл через мясорубку Западного кордона, участвовал в чистке Красного списка опять же. Ты на Каспии беженцев держал артиллерией, ёбть. Я – логист, твою мать, колонны без прикрытия через очаги чумы посылал. Знаешь, сколько сколько крови на наших руках, на моих руках? Мы все...

– Мы все делали общее дело! – Даниил начал злиться. Рус, хватит рефлексировать. Жертва, блин, нашлась.

– Да, да. Всё ради Родины, всё ради победы....

– Ради, ради... – пренебрежительно бросил Даниил. – Смотрите, кто пришёл наконец! Борисыч!

– Здравствуйте, камрады! – около стола, в сопровождении вернувшегося Олега, держа россыпь бутылок, стоял Борис, на фоне Олега выглядевший особо щедеушно, что ещё более подчёркивалось маленьким узкогубым ртом, толстыми линзами очков и жидкими белёсыми волосами, обрамляющими высокий лоб. Поставив бутылки и неловко пожав всем руки, он распечатал виски и налил его себе в стакан.

– Как понимаю, вы все ждёте от меня невероятнейших историй?

– А то! – воскликнул Руслан, занятый наполнением стаканов себе и товарищам, – мало кто бывал за санитарным кордоном. Хотя у нас тоже историй накопилось.

– Да? Потом расскажете, – ответил Боря. – Я в этом аду весь январь был, а потом в Белоруссию еле свалил.

- Чего же на связь тогда не выходил? – спросил Олег.
- Так информационная блокада, как ты мог заметить, – ответил Борис.
- И у белорусов? – спросил Даниил.
- Они сами же и ввели. Тем более меня на карантине держали, где телик-то на два часа в день включали. А об интернете и говорить не приходится, – грустно ответил Борис.
- А с телефона? – уточнил Руслан.
- Отняли. И мобильный интернет тоже отключён в стране, – ответил Борис.
- Дела... – Руслан наполнил стаканы себе, Дане и Олегу.
- Ага. Полгода давился чесноком, ел с серебряных сервизов, глаза от ультрафиолета болят, так ещё и у вас эту хрень везде понаставили, – улыбнулся Борис.
- Так у НАС чеснок им не вредит, – заметил Олег.
- Это сейчас только узнали, а я сам его в Киеве усиленно жрал в январе, – ответил Борис.
- Ну так что там случилось? В Киеве? – спросил Даниил.
- Я самое начало только видел, – ответил Борис, выдержав драматическую паузу.
- Да ну! Как? – хором спросили друзья.
- Дайте сигарету кто-нибудь – Олег, не отрывая взгляда от Бори, воткнул ему в рот сигарету, – так вот, взял меня Кеша Масленко, кореш киевский, что под бабулей живёт и потащил на баррикады – поглядеть что и как. Поглядели, мля... Ну, пришли мы туда. Ходим, бродим, там музыка везде, народ вроде веселится. Только нацики местные расходятся, палатки сворачивают, говорят, что они за Украину для украинцев, а кровососы какие же они украинцы, они и не люди даже.
- Это те, которые в Галичине сейчас воюют? – спросил Даниил.
- Они самые. – Борис затянулся сигаретой и, закашлявшись, продолжил, – они меня тогда выручили... Как я давно не курил-то.
- Как спасли? – спросил Олег.
- Погоди, сейчас к этому подойду, – Борис залпом осушил стакан и сразу же напомнил по новый, – давайте хоть за меня выпьем, за то, что я до вас допёрся.
- Да, да, конечно!

Пока друзья расправлялись с содержимым стаканов, Даниил ещё раз бросил взгляд на брюнетку. Её горделивая осанка была ещё более заметна рядом с собеседником, который сутулился, вжавшись в кресло и накиннув на голову капюшон.

– Так вот... они захватили горадминистрацию.

“Сутулый” меж тем привстал и, подобно стервятнику, навис над столом.

– ... всё вокруг в огне, пахнет горелым мясом. А они горят и рвутся сквозь щиты!

Даня чуть приподнялся, аккуратно отставив стул, хотя сквозь грохот музыки и шум разговоров его бы не услышали, даже если бы он начал бить посуду. Но жгучее чувство чуть ниже спины заставляло быть осторожнее, компенсировав стремление погеройствоваться.

– Пиздец какой, – передёрнул плечами Олег. А кто они такие были-то? У нас этой информации совсем не дают. – Эй, Даня! Дань?

Аккуратно маневрируя между столиков он продвигался вперёд, заглушая внутреннюю тревогу. От столика, за которым сидела девушка и её странный собеседник исходила угроза, но проснувшийся в Дане д’Артаньян гнал его вперёд.

– А думаешь там знали, кто они? Вот ни хрена. Но мы попёрли туда, так как жопа прямо таки горела от жажды приключений, – Боря широко развёл руками. – Четыре мужика и девушка. В обычной одежде, с обычными зубами без клыков. Просто люди, красивые. Баба вообще огонь, как модель.

Даниил между тем подобрался к столику и приготовился совершить какую-то несусветную глупость. Он оправдывал себя выпитым алкоголем, но, по правде говоря, возлияния его были весьма ограничены и разум вполне ясен. Человек в капюшоне, не глядя на него, вжался обратно в спину стула с таким усилием, что дерево загудело от напряжения. Девушка некоторое время смотрела сквозь своего собеседника расфокусированным взглядом, затем перевела взгляд на Даниила. На лице её не было никаких эмоций и только светло серые глаза источали неопишемую силу. У Дани всё сжалось в груди, захотелось сделать шаг назад. Превозмогая тяжесть, навалившуюся на всё тело, парень засунул руку в карман и достал телефон. На лице девушки на мгновение появилась злость, сменившаяся удивлением, чуть растопившим лёд её глаз. В этот момент морок оставил Даню.

– Ты что творишь? Что с тобой не так? Кому ты собрался звонить? – в голосе её смешивались удивление и испуг.

– Я? Я не... дадите Ваш номер? ...дурак, дурак, дурак! – думал Даня про себя.

– Что?! Стой! – она резко обернулась к своему собеседнику, который всё это время сидел неподвижно, не привлекая к себе внимания.

В паре миллиметров от бока Дани остановилась вилка, зажатая в мелко дрожащей руке. Даниил перевёл взгляд на лицо этого человека, но в этот момент свет погас. В черноте под капюшоном он увидел два горящих ненавистью уголька глаз. Уши словно заложило ватой и на веки навалилась тяжесть, под которой они сомкнулись.

– Эй! Эй! Очнись! Ты кто? – взгляд девушки оттаял и она смотрела на Даню с куда большей человечностью.

Даниил уже открыл глаза, не понимая сколько времени прошло. Посетители сидели, как будто ничего не произошло (*может и не произошло*) и болтали. Человек в капюшоне исчез.

– Я... Куда он делся? А, меня зовут Даниил, можно Даня.

– Даниил, что тебе нужно?

– Да ничего... Это... я подумал, что Ваш собеседник доставляет Вам неприятности. Ну я и это... пойду.

– Стой. Ты вступился за меня, используя невероятно неловкий подкат?

– Ну... Сработало ведь? – лицо Даниила опалило жаром от смущения, – я пойду.

– Меня зовут Клементина, можно просто Клем.

Клементина выжидательно смотрела, пока Даниил робко пристраивался на стуле.

– Он не представлял опасности.

– Тот тип выглядел весьма угрожающе, впрямь как вурдалак.

– Для меня.

– Да? А кто это был? Твой парень?

– Может быть.

– Я... я всё испортил?

– Я ещё не решила.

– В каком смысле?

– У тебя есть шанс показать себя.

– ?

– Даниил, ты же зачем-то пытался взять у меня телефон, не так ли? Или ты пытался познакомиться с Андреем?

– Андреем (*тем мужиком*)? Ах, да! Конечно. Ну это...

– Пойдём ко мне или к тебе?

Глаза Дани округлились и дыхание сбилось:

– Что? А... Неет! Я не такой.

– А какой? Сейчас в России на трёх женщин по мужику, – услышав это, Даниил густо покраснел.

– Это же не повод спать с первым попавшимся!

– Я не нравлюсь тебе? – брови Клем дёрнулись наверх.

– Нет же! Почему? Ты очень красивая! Но я же подходил вовсе не за этим, – Даниил, говоря это, насупился и опустил взгляд.

– Ладно, не волнуйся ты так, – лицо Клементины украсила улыбка. Расскажи о себе.

– Ну, хорошо. Я здесь родился, здесь учился, недоучился...

– Война?

– Да. Прикаспийский выступ.

– И как оно?

– К своему стыду, признаюсь, что скучно.

– А должно быть весело?

– Нет, но понимаешь, пока на западе наши бились с ордами вурдалаков и вычищали банды коллабов на прикордонье, мой артиллерийский поддерживал популяцию деградантов.

– Популяцию?

– На Прикаспийском выступе, ещё во время восстания махдистов, был основан лагерь беженцев. Уже через шесть месяцев всем стало не до него – мир катился в тартарары. Естественно, там появился ви-бак. И что же наше командование сделало с этой помойкой? Ничего! Беженцы со всего Ближнего Востока шли туда, ища спасения, а попадали в бойню. А наш полк...

– ...не давал угрозе разрастись, но и не уничтожал. После Долгой зимы это была рациональная необходимость, в отличие от того, что ваши вояки наворотили дома.

– В смысле? Что ты имеешь ввиду?

– Ты не задавался вопросом, почему не было мобилизации, особенно после вспышки в Москве? А лишь создали ополчение, вооружённое палками и лопатами.

– Это же Красный список саботажем занимался?!

– Да, конечно, – Клем снисходительно улыбнулась. Были враги народа, а теперь враги человечества. Его сколько уже редакций уже было? Четыре? Ну и конечно же всегда секретная часть про запас.

– Ну, когда правительство не темнило... Ладно. А что ты о себе расскажешь, Клементина?

– А что ты хочешь узнать, Даниил?

– Ну, например, откуда ты?

– На местную я, значит, до сих пор не похожа, ну что ж. Я из Польши.

– Да?! А зачем ты оттуда уехала? Они конечно со своими прибабахами, но люди же.

– Нелюди они. Со средневековым менталитетом. Плодят врагов в своём больном воображении, а гонора и спеси, ох! – Клементина закатила глаза, – после падения Ватикана, как переехал к нам Святой Престол, самомнение некоторых панов взметнулось до небес.

– Так в чём причина была? Вроде изгоняли же только тех, кто сочувствовал кровососам.

– Да, кровососам... и неправильных поляков тоже.

– Тебя из-за этого?

– Нет, из-за несогласия с политикой правительства. Но всё было гораздо сложнее.

– Я смотрю ты любишь недоговаривать.

– Женщина-загадка, – Клементина снова улыбнулась, – смотри, твои друзья тебя заждались, – она стрельнула глазами в сторону приятелей Дани, где Руслан размахивал рукой привлекая внимание.

– Чего им надо? – недовольно пробурчал себе под нос Даня, – я сейчас схожу и вернусь.

– Не надо, я уже ухожу.

– Могу ли я тебе?...

– Да, – девушка достала из сумки карандаш, и, взяв лежавшую подле неё салфетку, написала номер, – держи.

– Ещё увидимся, – Даниил столь же “грациозно” вышел из-за стола как и сел за него. Чашка чая, стоявшая перед Клементиной, со звоном подпрыгнула.

– Ты опасен, Даниил, – Клем придержала готовую перевернуться посуду.

– До встречи, – лицо Дани опять густо покраснело, – пока.

– Береги себя.

Даниил возвратился к друзьям, стараясь придать лицу серьёзное выражение:

– Что вам нужно-то?! Боря ушёл уже?

– Борис пошёл тебя выручать, – заговорил Рус, – ну и официанта с нашей закусью искать до кучи. Это явно не твой уровень. Таким кисам нужны денежные папики.

Даниил молча достал салфетку и показал Руслану.

– Клем? Что, это за имя то?

– Клементина.

– Имя, как будто у элитной..., – Даня укоризненно посмотрел на него, – дамы из эскорта.

– Или родители коммунисты, – подал голос Олег.

– Что?!

– Ну Климент Ворошилов, типа... Вряд ли конечно.

– Ладно, – Даня опрокинул в себя водку, теплом разлившуюся по телу и закусил ломтиком лимона, – я Бориса пошёл искать, – когда он встал, сердце с очередным толчком доставило к мозгу порцию разбавленной спиртом крови, отчего Даниил чуть покачнулся. Однако, откалибровав вестибулярный аппарат, он решительно отправился к кухне. По дороге бросил взгляд в направлении столика, где сидела Клем, но его уже занимали новые люди. Даня почувствовал грусть и не заметил, как дошёл до цели. Дверь не была заперта и оттуда доносится запах чего-то подгоревшего.

Борис, окутанный дымом, чуть покачиваясь стоял недалеко от дверного проёма. В помещении тускло светила болтающаяся на проводах люминесцентная лампа. Стол возле раковины был перевёрнут, пол залит чем-то тёмным и чуть пахло газом. Пьяная пелена на глазах и дым не давали Дане нормально разглядеть друга и пришлось подойти к нему вплотную, щурясь от мигающего из-за Бориной спины света.

– Эй, Боря, – тихо позвал Даня, – что здесь случилось? Это кто погром организовал? – Борис, услышав голос, медленно повернулся, хрустнув своими очками, попавшими под ноги.

Даниил оцепенел. По рукам из изодранных вен струилась кровь, стекающая ручейками на пол и собирающаяся в лужу возле валяющегося стола, из-за которого донеслось шуршание и за край столешницы ухватилась окровавленная ладонь.

– Данька, Данька, – прошептал Борис и, когда Даниил замер, уставившись на его измазанное кровью и поделённое слезами на три части лицо, заорал с нечеловеческим рыком: – БЕГИ!

Даниилу не приходилось видеть обращённых вблизи. В испытательной камере лаборатории, обращённые были обезличенными телами в красных робах и с мешками на голове, име-

нуемые в документах "объектами". "Объекты" имели номера и иногда эти номера задерживались на два дня, но чаще каждый день были новые. Сейчас "объект", стоящий перед ним, не был намертво привязан к креслу-каталке, имел имя, а глаза и искажённое болью лицо не были спрятаны от окружающих. Колония бактерий уже взяла контроль над нервной системой и нуждалась в ресурсах для роста. Сердце отчаянно билось, высасывая все соки из тела и обделяя кислородом мозг, который ещё решительно сопротивлялся призывам найти свежую кровь.

– Беги, – уже шёпотом сказал Боря и, судорожно двигаясь, направился к Даниилу.

Даня, не в силах сделать шаг, заставил себя отвернуться от знакомого лица и это освободило его ноги от невидимых пут, но в тоже время погасило последние остатки разума Бориса. Уже рванув с места, Даня успел ощутить прикосновение пальцев к спине, что подействовало на него как электрический разряд, разойдясь холодными волнами по телу. Вылетев из кухни, Даниил влетел в зал и сходу врезался в столик, за которым сидела молодая пара. Стол опрокинулся, а посуда, находившаяся на нём, щедро засыпала осколками пол. Даня упал на бок, подвернув неудачно выставленную руку. Преследующий его Борис завершил поворот стола, всем весом надавив на него и опрокинув вместе с собой на Даниила, который, оказавшись в столь неудобном положении, не мог пошевелиться и еле уворачивался от клацающих у самого уха зубов. Девушка, до этого сидевшая за столиком, громко визжала, а её парень пытался неловкими движениями оттащить обращённого от Даниила, но, побоявшись близкого контакта, начал ногами вбивать тело Бориса в столешницу, невольно всё сильнее и сильнее вгоняя в руки и ноги Дани осколки. Парню удалось привлечь жаждущий взор Бориса и, испугавшись этого взгляда, он отступил назад, прямо в объятия поварихи, которая пошла на шум в поисках свежей крови. Кровь из шеи хлынула бурным потоком, окрасив его футболку и брюки в алый цвет. Посетители ломанулись было к выходу, но резко сдали назад.

10 минут назад.

Патрульный УАЗик не спеша катил на базу, рассекая фарами метель. Пятничное движение к десяти вечера почти рассосалось, так как горожане старались пораньше очутиться дома, несмотря на то, что комендантский час уже более двух месяцев был отменён.

Доброго вечера всем, кто ещё не спит. Вот и подошла к концу рабочая неделя. Несомненно, радостно от осознания того, что мы можем позволить себе в этот вечер не прятаться за ставнями и засовами, а собраться с друзьями за кружечкой горячительного, пока дамы и господа в погонах берегут наш покой. Итак, давайте же подведём итоги этой пятидневки. На западном кордоне, практически закончено накопление сил для проведения операции по санитарной очистке левобережной Украины. Правительство Польши приступило к осуществлению своих угроз и разместило ракеты средней дальности в Одесской области.

Капитан полиции Игорь Павлович Жигунов, положив под ухо шапку и освободив от куртки своё пузцо, пытался подремать. За рулём, наклонившись вперед, чтобы компенсировать маленький рост, сидела младший лейтенант Валерия Румянцева, внимательно вглядываясь в метель сквозь защитные решётки. Из-за роста ей отказали во вступлении в ОПБУ, который она считала достойным местом для свершения мести коллабам и многочисленным их отродьям. В регулярную армию она не пошла сама, по причине затишья, установившегося на кордонах. Безуспешно обойдя все силовые структуры, где её лишали возможности работать в поле, она, в отчаянии, поступила на службу в восстанавливаемую дорожную полицию, функции которой весьма отличались от обязанностей довоенного ГАИ. Из-за дефицита радаров, выявляющих гемозависимых, их было решено установить на патрульных машинах, в обязанности экипажей которых входило при обнаружении на маршруте субъекта представляющего опасность, обеспечить его блокирование до прибытия отряда ОПБУ. Лера, за год пройдя обучение, надеялась проявить себя, доказав, что её миниатюрные размеры не являются препятствием для истребления нежити.

Игорь Павлович, в отличии от своей подопечной, энтузиазмом не страдал, сильно сдав телом и духом после увольнения из армии. Он не сильно распространялся о причине увольнения, но ходили слухи, что он то ли пожалел заражённого, то ли не выявил, из-за чего очаг заражения вспыхнул с новой силой, когда гражданские уже вернулись из эвакуации. От него недавно ушла жена и он часто закладывал даже на работе, делегируя большую часть обязанностей Лере.

А теперь перейдём к внутренним новостям – в Грузии завершилась рекультивация более 900 гектаров чайных плантаций, что позволит организовать поставки в страны Континентального Альянса...

– Господи! Лера, да выключи ты его уже! – проворчал капитан.

– Игорь Палыч, Игорь Палыч! – Лера убавила громкость, но заговорила сама.

– Да? Что? – шапка из под уха капитана скатилась вниз и он начал её судорожно ловить.

– Игорь Палыч, а Вы "двойку" видели? – спросила Лера.

– Во-первых, товарищ капитан, лейтенант. Нет, не видел, – раздражённо ответил Игорь Павлович, – и смотри за дорогой, вона какая метель.

– А "нулей" и "единиц"? Товарищ капитан? – не отставала лейтенант.

– "Нулей" больше, "единиц" меньше и вообще, – лениво отвечал капитан, поняв, что Лера не отстанет, – наша задача видеть их только на радаре и передавать их ОПБУ после выявления. Их сейчас прогнали из города и слава Богу.

– А если они нападают на кого-то? – спросила Лера, – у нас же есть примечание, что в крайнем случае или при угрозе жизни полицейского мы можем использовать оружие.

– Крайний случай и есть угроза жизни. И лучше застрелиться, чем бумаги потом оформлять. Стой, стой! – в салоне раздался равномерный звук зуммера, предупреждающий о том, что радар что-то засёк. Лера ударила по тормозам и УАЗик с заносом влево ударился о поребрик. Игорь Павлович раскрыл экран радара-детектора. Были видны две пульсирующие зелёные точки. Капитан схватил рацию и заорал:

– Лесной, это патруль семь-один. Приём. Лесной, это...

– Семь-один, слышу вас.

– Лесной, на Енотаевской 4 две "единицы", повторяю, две "единицы". Требуется зачистка. Приём.

– Две "единицы". Отряд выехал. Приступайте к блокированию. Приём.

– Понял. Приступаю.

Игорь Павлович отстегнул от потолочного крепления АК-104, открыл форточку и, не раскладывая приклад, высунул ствол в окно.

– И это всё? – спросила Лера, чувствуя как дрожат её пальцы от притока адреналина.

– Это всё, – пренебрежительно ответил капитан, – тут тепло, а там холодно. Они наверняка в цветочном засели, а не в кабаке.

Лера поджала губу и посмотрела на экран. Там одна из точек стала жёлтой.

– Смотрите, товарищ капитан, – сказала лейтенант, указав на экран.

– Что за хренотень?! – Игорь Павлович отрегулировал диапазон и стало видно, что зелёная точка не одна, а две рядом, а жёлтая точка начала двигаться в сторону от них. – Лесной, Лесной, приём. Это семь-один. Приём!

– Слышу вас семь-один.

– У нас плюс "ноль", угроза заражения! Лера, куда! Инструкцией запрещено покидать машину.

Лера выбежала из машины, потеряв по пути шапку, из-под которой освободилась копна рыжих кудрей. По пути присоединила магазин к «Вихрю» и, открывая плечом дверь в бар, дослала патрон в патронник. Вскинутый ствол упёрся в паникующую толпу, рвущуюся из помещения.

– Назад! Все назад! Руки за голову! – выдавив толпу обратно в зал, Лера услышала женский визг, но скопление людей не позволяло увидеть происходящие, – все вниз!

Олег и Руслан кинулись на помощь, ещё не поняв, что же произошло. Олег, уже замахнувшись на парня, мутузившего ногами валяющегося на перевёрнутом столе Бориса, заметил двух окровавленных людей, выходящих из служебного помещения. Один из них бросился на Олега, но нарвался на удар, впечатавший его в стену. Отлетев от стены как мячик, поварёнок снова попытался напасть и вцепиться в шею, но в его горло упёрся локоть. Олегу, наконец, удалось разглядеть нападавшего и он увидел неестественно бледное среднеазиатское лицо, налитые кровью глаза и сдвоенные клыки в жадно дрожащем от жажды рту. Подоспевший вовремя Руслан использовал прихваченную с собой бутылку виски для удара по голове упыря, а большую часть получившейся из бутылки розочки оставил в виде осколков в его глазах. Дезориентированный кровосос отступил и тут по залу разнёсся громкий крик: "Все вниз!"

Когда все вжались в пол и стены, лейтенант заметила, что один из заражённых пятится, закрывая руками лицо. Позади него низкорослая пухлая повариха вгрызалась в шею молодому человеку, который от потери крови уже посерел и в любой момент был готов обернуться в "нуля". Его подруга пыталась оттащить повариху, но появился ещё один заражённый и вцепился в неё.

Так, – думала про себя Лера, – парню хана, а девушку, видимо, грызёт свежий "ноль", то есть заражать он ещё не может. Ух, поехали, – переключив флажок предохранителя в положение автоматического огня, она нажала на спусковой крючок. Первая короткая очередь ушла в грудь кровососу с искалеченным лицом. Тот издал звук, похожий на удивление и, уткнувшись в стену, сполз по ней вниз, оставляя кровавую полосу. Готов, теперь "ноль", – щуплый "ноль" уже завалил девушку на стол и пустил ей кровь, грызя плечо, а та пыталась головой отстранить его от шеи, что делало их близость особо рискованной для стрельбы. Лера выругалась про себя и, подняв флажок предохранителя на щелчок вверх, сделала одиночный в голову, на который заражённый особо не отреагировал, продолжая судорожные движения. Второй выстрел снёс ему значительную часть затылка, что вызвало неожиданную для Валерии реакцию – "ноль" резко вскочил на ноги. Неестественно наклонив голову на правый бок, он посмотрел на неё, хотел было рвануть в её сторону, но, заинтересовавшись вдруг чем-то другим, обернулся всем корпусом назад. Воспользовавшись этим моментом, Лера снова сменила режим огня и всадила в "нуля" очередь в десять патронов, пропахав его тело от паха до шеи. Тот упал, а его жертва отползла оттуда, плача и истекая кровью. Но лейтенант, не обратив внимания на это, заметила встающую из-за стола фигуру, по которой рефлекторно тоже выпустила очередь, тем самым опустошив магазин автомата до конца.

– Стой! Не стреляй! – повариха, напившись крови, пришла в себя. – Я не хотела! Это не я! Это всё тот шайтан, – пытаюсь стереть с лица кровь, натекающую из страшной раны на голове, она показала на распахнутую дверь кухни, – не убивай только. Я не хотела! Я не могла!

– Ты его убила, тварь! У тебя было три дня, чтобы сдохнуть человеком! Вы жизни отнимаете, желая жить вечно! – заорала лейтенант в ответ, потеряв всю свою собранность и стараясь злобой заглушить жалость к этой женщине, смотревшей на неё вполне человеческим глазами.

Вдруг из кухни вышло то, что раньше было барменом. И тут Лера совершила роковую ошибку, повернувшись к нему и нажав на спусковой крючок. Холостой щелчок бойка послужил триггером для "единицы", которая лёгким движением руки подняла уже начинающего двигаться выпитого парня и бросила того на лейтенанта. Валерия успела выставить вперёд автомат, на который и приняла пущенный в неё "снаряд". Сломавший о приклад большую часть зубов парень намертво вцепился в оружие. Автомат был единственной преградой отделяющей Леру от обезумевшей от жажды твари. Не обладая большим весом, он, обхватив Валерию руками и ногами, начал притягивать её к себе.

– Лера! Развернись! – вовремя подоспевший Игорь Павлович первой очередью срезал упыря на Лере, а второй упокоил бармена, – ты какого хрена вообще творишь?!

– Надо было действовать, иначе погибли бы люди! – приходя в себя ответила лейтенант, – там одна убежала в служебное помещение и статус одного гражданского я не знаю.

– Какой ещё статус?! Он заражён или нет? – спросил капитан.

– Я не знаю! Я стреляла по нему! – ответила Лера.

– Бляха муха! Ещё этого не хватало! – огорчился капитан, – ладно, я займусь им, а ты пока вторым. Обнаружь и блокируй.

– Я запасной магазин в машине забыла, – смутившись ответила Валерия.

Капитан на пару секунд покраснел, перезарядил автомат и подал его Лере, сам вооружившись пистолетом.

– Иди! – приказал Игорь Павлович.

– Есть! – ответила Лера, проверив патрон в патроннике.

Лейтенант, оглядываясь, дошла до кухни и, толкнув дверь носком, увидела, что всё разгромлено и залито кровью. В дальнем конце помещения ей покчудилось движение. Но в помещении пахло газом и открывать стрельбу было крайне рискованно. Не убирая стол с прицела, попятилась назад, аккуратно обойдя лампу, которая чудом ещё не искрила. Дойдя до двери и спрятавшись за ней, Лера прижалась к стенке и перевела дух. Но, посмотрев на капитана, увидела рядом с ним девушку с длинными чёрными волосами, прижимающую к себе одной рукой молодого человека. Вторая рука лежала на голове у Игоря Павловича.

– Что происходит това... – она, наконец, заметила, что его голова повёрнута на сто восемьдесят градусов. Валерия вскинула автомат и зажала спусковой крючок. Высшей, а она

была именно Высшей, – думала Лера, – древней или неофитом, не болезненным гемофагом, а вечно молодой, ходящей под солнцем и питающей свою жизнь чужими.

Лейтенант выпустила длинную очередь во весь магазин, которую эта ведьма приняла спиной, закрывая от пуль парня у себя на руках. Потом брюнетка нагнулась к убитому капитану и сняла с его пояса светошумовую гранату, которую в тот же момент закинула в дверной проём позади Леры. "Газ" – вспомнила лейтенант и бросилась в сторону. Взрывная волна вынесла стену и, подхватив девушку, швырнула в другой конец зала.

Борис отвлёкся от Даниила и напал на девушку, пришедшую на выручку своему парню. Он вцепился в её плечо и завалил на стол. В тот же момент кто-то начал стрелять. Даня, преодолевая боль, вылез из-под стола, пытаясь помочь девушке. Снова прозвучали одиночные выстрелы, после которых Боря запрыгнул на стол. Когда вурдалак собрался напасть на стрелка, Даниил схватил его за щиколотку. Отвлёкшийся на это, заражённый Борис повернулся всем корпусом к Дане и тут же получив очередь из автомата, упал навзничь, освободив свою жертву. Даня тоже выбрался из-под стола и увидел стрелка. Через прицел на него смотрела большими глазами миниатюрная девушка с распущенными рыжими локонами. "Валькирия", – подумал Даниил и получил пулю в руку, три в грудь и одну в шею. Он слышал лишь стук сердца в ушах, а глаза застилала пелена. Вдруг появился плотный усатый полицейский и навис над Даниилом.

– Я живой. – из последних сил выдавил Даня.

– Я знаю, – ответил капитан, – ты извини, но я не имею права рисковать, – он навёл на Даниила пистолет и взвёл курок, но вдруг отвернулся, направив оружие в сторону.

Неожиданно рука полицейского с хрустом согнулась под неестественным углом. Даниила подхватили и он увидел лицо Клементины, на котором на мгновение появилась улыбка. Потом снова началась стрельба, во время которой сознание покинуло Даниила.

Глава третья, в которой Даниил Сухарев понимает, что он не совсем человек.

Вверху, в свете одинокого фонаря, искрились падающие снежинки. Телу было хорошо и тепло, а каждый удар сердца отзывался новой волной тепла. В голове звенело раздражающе монотонно. Так пищит умирающий слуховой нерв. Даниил понимал, что происходит что-то неправильное, но разум отказывался находить какое либо логическое объяснение этого. И вдруг память, словно бурный поток прорвавший плотину, вернулась Даниилу. Он подскочил как ошпаренный. Окровавленная одежда примёрзла к телу и с хрустом отдиралась от кожи. Он задрал свитер и стал судорожно искать пулевые отверстия. Их не было. Его обдало холодом и он осел наземь. "Мёртвое не убить. Спасибо за подарочек", – подумал Даниил. "И что же теперь делать? Прямо сейчас идти сдаваться? Ну убьют меня или "объектом" побуду. Эх...а с матерью что? На лекарства пенсии не хватит. Кстати, а если я сам по себе "объект", то может и радар попробовать довести? Свежезаражённых "объектов" для опытов не было, а тут я, весь такой красивый. Да и с Алёной надо как-то объясниться будет. Или не надо". – Зазвонил телефон. Пока он его вытаскивал, на снег выпала окровавленная салфетка, на которой был записан номер Клементины. Теперь, при всём желании, его нельзя было прочитать. – "Что ж, это теперь неактуально". – На экране телефона высвечивалось имя Руслана.

– Алло, – принял вызов Даниил.

– А-ха-ха! Живой, задница! – закричал в трубку Руслан, – ты где болтаешься?

– Я...я... , – замялся Даниил.

– Во время взрыва контузило? – не унимался Руслан, – там, где ты с Борей боролся, дырень на улицу и всё разнесло к хренам. Борю по кусочкам нашли и думали, что и тебя тоже того. Ты где четыре часа болтался? ОПБУшники нас только отпустили.

– Какого взры...? – осёкся Даня, – в парке я.

– Четыре часа, при минус восьми? – удивился Руслан, – да тебя реально контузило. Мы тебя не светили особо, чтобы на работе проблем не было, правда рыжая бой-баба тебя видела, но она сейчас в отключке. Ты через эту дырень не один свалить успел.

– Спасибо, Рус. Ты понял, откуда упыри взялись? Как так с Борей случилось? – спросил Даня.

– Мудила, с которым твоя баба лясы точила, попёрся на кухню и обернулся. Боре не повезло рядом оказаться.

– Это не моя баба. Его поймали?

– Без понятия. На рынке стрельбу слышал, а чего там и как не знаю. По новостям всё скупно, темнят что-то.

– Ладно. С тобой, с Олегом что?

– Я дома уже. Олег с ожогами, меня к нему не пустили, так как не родственник. Он пострадавших после взрыва вытаскивал и меня в том числе. В больничку положили, через пару дней выйдет, – Руслан некоторое время помолчал и спросил:

– Ты скажи, Боря страдал?

– Нет, он быстро отключился, – соврал Даниил.

– Ясно. Тогда завтра свяжемся. Надо бы Олега навестить. Береги себя, – сказал Руслан.

– Да. Давай, – Даниил завершил вызов.

Даня огляделся и обнаружил, что чья-то шапка была заботливо подложена ему под голову. Чтобы не привлекать к себе лишнего внимания, он пошёл по железнодорожным путям. Внезапно он понял, что холод не причиняет ему никакого дискомфорта и это его не особо воодушевило. Он шёл, прислушиваясь к своему телу. Говорят, что когда тебя кусают, то ощущение сильнее оргазма или наркотического прихода. Даня не мог сказать правда это или нет, так как был в отключке, но сейчас он был близок к эйфории. Тело было словно пустая оболочка, наполненная лишь стуком сердца, бьющегося словно колокол, своим могучим басом оповещающий окрестности о празднике или беде. Казалось, что звук слышно на многие десятки метров вокруг. Даниилу чудились тяжелые взгляды, источником которых на деле оказывались деревья или путевые столбы. Почувствовав панику от навалившихся на него новых ощущений, он побежал, что открыло ему множество его новых возможностей. Он мчался вперёд и был готов взлететь. Ноги не напрягались, не чувствовалось мышечной боли, глаза замечали все преграды на пути. Даня, разогнавшись, попытался перепрыгнуть через ограду, но, не рассчитав свои силы, зацепился за неё и упал в сугроб. Он встал на колени, смеясь и плача от того, что ему было хорошо как никогда и цена, какой бы не была, не казалась столь большой, чтобы не заплатить за эту силу.

– Я жил, я умер, я воскрес! Я жил, я умер, я воскрес! – кричал он полной луне. Но вспомнил про срок и опустил лицо в снег, чувствуя, как от его горячего дыхания снег тает и исходит паром, – три дня? Пока поживём.

Вернувшись домой, Даниил пошёл в ванную, прихватив с собой пакет. Он снял с себя залитую кровью и пахнущую гарью одежду. На свитере изодран правый рукав и на груди три отверстия, а на теле лишь белели пятна среди бурых подтёков. Только слева, под рёбрами был отчётливо виден шрам, хоть и выглядевший как давний. Он скомкал одежду и бросил её в мешок, чтобы потом избавиться от неё. Смыв с себя грязь, пошёл на балкон, запасшись пачкой сигарет. Многое предстояло обдумать, а времени у Даниила ещё никогда не было так мало. Морозы вновь отступали перед каким-то южным метеофронтом и снег, выпавший за вчерашний день, таял, стуча каплями по жестяным сливам и испарялся, пеленой тумана окутывая спящий город. Куря уже третью сигарету третью сигарету за четверть часа, Даниил сидел на балконе, опираясь локтями на колени и отбивал пяткой нервную дробь.

– Вот это поворот... Воскрес... Чудесно, – бубнил Даня, чувствуя в носу запах гари, металлический вкус крови на языке, а в местах, где в плоть вошли пули, вибрировало, словно от мух, пытавшихся пролететь сквозь стекло, – вот я и сам "объектом" стал. А эти все, кто за

стеклом лежали, привязанные к койке – они такие же как я? Да нет, они же сами выбирали такую жизнь или всё же жертвы? А я жертва? Клементина... а её правда так звали? Я умер, а она мне дала выбор. Зачем? Из-за того, что я похож на её знакомого? Одни вопросы. И их больше, чем ответов.

От раздумий Даниила отвлек звонок. Он встrepенулся, выронив сигарету и посмотрел на дисплей телефона. Там высвечивался номер матери. Ему стало необыкновенно стыдно и он долго не мог собраться ответить. Сухаревой Варваре Петровне было за пятьдесят и она уже как год перестала закрашивать седину в поредевших из-за болезни волосах. Маленькая ростом и круглолицая, она совсем была не похожа с Даниилом, который являлся копией своего отца. Диагноз ей поставили пять лет назад, сразу после гибели мужа в миротворческой миссии. Звонки из онкоцентра и министерства обороны поступили практически одновременно. Даниил после похорон отца пытался ей помогать, но его через несколько месяцев призвали в армию, пообещав, что государство не оставит женщину в беде. После демобилизации Даниил обнаружил, что мать действительно держится бодрячком и болезнь, если и не отступила, то существенно замедлилась в развитии. Но через полгода ремиссия закончилась и опухоль вновь начала расти. Программа лечения, которая ей ранее помогла, оказалась закрыта по неизвестной причине. Текущие же лечение замедляло болезнь, но о выздоровлении речи уже не шло. С каждым месяцем она угасала. Даниил нажал на кнопку:

– Привет, мам, чего так поздно? Тебе опять было плохо?

– Да ерунда, Данька. Таблеток приняла и завалилась днём спать, – фальшиво бодро ответила мама, – решила тебе позвонить, вот. Не спишь же ещё, наверное?

– Нет, не сплю. С друзьями встречался.

– Гуляешь всё, значит... – и вдруг резко и с напором продолжила. – А внуков-то я увижу? Почему ты с Маргаритой ко мне давно не заходил? Это потому, что мы не евреи?

– Мам! У меня с Маргаритой ничего нет! И она не еврейка. Кац – это фамилия её мачехи.

– Так правильно. Кто, кроме еврея, возьмёт фамилию жены.

– Ох... там всё сложно, давай потом.

– Нет, я может завтра умру уже.

– Да не умрёшь ты, врачи же ещё время дали.

– Ага, полгода.

– Тебе полгода и год назад давали, ты справишься.

– Я уже сказала, что хотела. Так когда мне внуков ждать? Или ты свою нимфетку всё соблазняешь? Ничего у тебя с ней не получится! Не твой уровень.

– Мам, не начинай опять, – раздражённо ответил Даниил.

– А я и не заканчивала. Тебе дети нужны, ты же не собираешься жить вечно.

– Может и собираюсь.

– А ну-ка, брось ты это! Ишь ты! На работе что ли не видел, чем это заканчивается?

– Ну, теоретически, ви-бак вылечил бы твою опухоль. Так может он и не такое зло?

В трубке повисло молчание и, после тяжёлого вздоха, мать Даниила заговорила резко похолодевшим голосом:

– Опухоль в моей голове убивает меня, она капля за каплей высасывает мою жизнь, хочет быть сильнее, чтобы выдержать химию и облучение. Эта дрянь сильна и силой своей со мной не делится, но и умрёт со мной вместе. А Чума, убив в человеке всё душу, даст в обмен силу, чтобы забирать жизни у других. Ты готов забрать чужую жизнь, чтобы насытить эту дрянь?

– Но...

– Ты готов забрать чужую жизнь?!

– Нет.

– То-то и оно. Спокойной ночи, сын.

– Спокойной.

Глава четвёртая, в которой Сухарев идёт на работу.

Утро. Комплекс «Нева-1».

Возле серого, безликого здания комплекса становилось всё многолюднее. Мороз сменился оттепелью и с неба лил дождь, превращая старания зимы в грязное месиво, подсвеченное ультрафиолетом. Улицы наполнялись людьми, спешащими на работу, среди них был и Даниил. Он пытался идти широко шагая, с гордо поднятой головой, но людской поток засасывал, подчиняя своему ритму. Неожиданные ощущения – стыд и брезгливость одновременно – терзали Даниила. Тело ныло от этой медлительности и он сравнивал прохожих с насекомыми и моллюсками. У него и раньше возникали подобные мысли, когда приходилось контактировать с большим количеством незнакомых, что заставляло его избегать толпы. Сейчас всё это вялотекущие людское течение раздражало, хотелось бежать, раскидывая в стороны этих еле ползущих серых крыс. Гнев невероятно пугал Даниила, боявшегося потерять человеческое обличье.

Поток тёл по коридору, огороженному решётками из стальных прутьев, обклеенных самодельными рекламными щитами и объявлениями, появляющимися быстрее, чем коммунальные службы успевали их убирать. Улицы всех городов страны были закованы в решётки и заборы, дабы обеспечить безопасность населения. Эта практика спасла множество жизней, но носителей предписывалось изолировать вместе с теми, кто на свою беду оказался рядом. Растолкав нескольких тёток из сборочного цеха, он добрался до проходной. Приложив магнитный пропуск и проходя через первый радар-детектор напрягся, но какое либо отсутствие реакции охраны его успокоило.

Радары срабатывали на возмущения магнитного поля, генерируемые "нулями" и "единицами". У обращённых колонии бактерий выстраивают вдоль кровотоков своеобразные электрические схемы, помогающие эффективнее качать кровь и сокращать мышцы. Бактерии ви-бака двуполые. После проникновения в тело пары самцов и самок вместе путешествуют до сердца. Закрепляясь там, ви-бак начинает размножаться и в течении получаса колония полностью заполняет кровеносную систему носителя. В течение трёх дней бактерии истощают организм. От недостатка ресурсов самцы мельчают настолько, что через потовые железы проникают на поверхность кожи, где, сгорая от воздействия ультрафиолета, убивают носителя, вступая в реакцию с остальной колонией в организме. Также к третьему дню самки развиваются достаточно, чтобы перерабатывать кровь, взамен вырабатывая энергию и полезные вещества для организма носителя. Но в отсутствии самцов, самки начинают размножаться только делением, тем самым понижая эффективность коллаборации с организмом носителя. Только ви-баки самцы, обитающие в крови Высших могут оплодотворять уже поделившихся и не могущих их съесть самок, которые порождают более сбалансированное потомство, а также питаются дегенеративными продуктами деления, которые подвергают организм хозяина риску днём. Между тем второй пост контроля перед лабораторией, где проверялись состояние пота и состояние сосудов в глазах, тоже был пройден без проблем. Всё-таки в первый день ви-бак ещё не мог проникнуть в потовые железы и мелкие сосуды и Даниил об этом знал. С облегчением выдохнув, он, по обыкновению, зашёл в лифт, где наткнулся на могучего мужика раза в полтора шире в плечах и на голову выше его самого, не отличавшегося миниатюрностью. Окладистая борода и густые русые волосы делали его похожим на былинного витязя, сошедшего с картины Васнецова.

– Вам чем-то помочь, Даниил? – вдруг спросил великан и только после этого Даня заметил, что неприлично долго на него смотрит.

– Нет, спасибо, эээ... – Даниил начал искать хоть какие то намёки на его имя, но проходка была пуста, а бейдж и вовсе отсутствовал.

– Я – Иван, – представился здоровяк, по-прежнему пристально смотря на Даню.

– Да, понятно, – ответил Даниил и поспешил покинуть кабину лифта вместе с выходящими людьми. Ему необходимо было ехать ещё два этажа наверх, но он предпочёл пройти их пешком, лишь бы прекратить неловкий разговор.

Пройдя в просторное помещение, заполненное стеллажами с разнообразным оборудованием, Даня отправился к череде разгороженных гипроком помещений, служащих офисами и лабораториями. Дойдя до своей лаборатории, Даниил, переодевшись и накинув халат, пошёл к Василию Марковичу. Уже подходя к его кабинету, он увидел своего необыкновенно взбудораженного начальника, выглядывающего из-за двери. Но как только Даня поднял руку для приветствия, тот быстро нырнул назад. Даниил несколько смутился и, подойдя к кабинету увидел, что заведующий лабораторией сидит в полной темноте с закрытыми жалюзи.

– Василий Маркович, доброе утро. У Вас всё в порядке? – спросил Даниил.

– Да, Сухарев. Нет! – крикнул Василий Маркович, увидев, что Даня потянулся к выключателю, – не надо. У меня был плохой сон. Ты возьми кофе в автомате, я отдам.

– Хорошо, ещё чегонибудь? – Даня удивился, так как профессор с такими просьбами не обращался.

– Нет, – ответил он и, когда Даниил уже начал отходить, добавил, – ты молодец, Сухарев.

– Спасибо, – Даня не переставал удивляться поведению начальника. И в замешательстве пошёл к автомату с кофе. – *He отдаст же.*

Озадаченный внезапной похвалой начальника, Даниил не обращал внимания на приветствующих его коллег. Только внезапное чувство угрозы сзади заставило резко принять в сторону, после чего вперёд вылетело и распласталось на полу двухметровое тело в халате.

– Марго! Ты чего творишь?! – Даниил потянул руку, чтобы помочь ей, – ты прости.

Девушка встала без помощи и, надменно смотря на Даниила сверху вниз, поджала губу. Маргарита Измаиловна Кац была во всех смыслах примечательной особой из биологического отдела, отвечающей за связь с инженерным отделом, где как раз и работал Даниил. Она представляла из себя двухметровую доску без всяких намёков на половую принадлежность, но с исключительно красивым лицом модели, с налётом безумия, подчёркнутым старомодными очками в стиле семидесятых и дикими цветами помады, которая сегодня была ядовито зелёной. Контрастный образ завершали пышные чёрные волосы, собранные в косу, заканчивающуюся ниже талии.

– Даниил Анатольевич Сухарев, что Вы себе позволяете? – спросила Марго с напускной дрожью в голосе.

– Не надо сзади нападать. Детский сад. И вообще, Марго у меня сейчас нет времени.

– Сам бы сзади нападай почаще! Как на моих хрупких плечах обустроить свою жизнь – ты первый, а как по долгам платить – так сразу в кусты, – на лице у Марго вдруг появилось её обычное озорно-безумное выражение. – Такой серьёзный, а тут ты взял и обдурил меня! А-ха-ха! Данька, как ты меня заметить успел? – Марго залилась своим жутким низкочастотным смехом.

Даниил завёл глаза и, молча обогнав Марго, продолжил поход за кофе.

– Эй, Дантес, да ты чего? Обиделся? – спрашивала Марго, семена перед парнем спиной вперёд, отчего проходящие мимо сотрудники в ужасе разбежались. – У меня охренительная история! Котятков привезли местных, представляешь?!

– Да не может быть, – флегматично ответил Даниил, уже скармливая талон кофейному автомату.

– Я сама прибалдела! – продолжала восторгаться Марго. – Слышал же про вчерашнюю бойню на Уделке? Так это ни хрена не потасовка была! Там какая-то чокнутая ГАИшница четырёх котят завалила! Четырёх! – она усиленно размахивал ладонью перед лицом Даниила, показывая четыре пальца. – ГАИшница! Жаль, что она в отключке, а то я бы выразила ей своё почтение.

– Замечательно, что ты хочешь от меня? – Даня почувствовал некоторое облегчение и торопился убежать, но автомат работал предательски медленно, щёлкая и шипя своими внутренностями, как будто бы действительно варил настоящий кофе, а не разбавлял кипятком эрзац из отходов пищевой промышленности с добавлением стимуляторов.

– Так оттуда привезли обратившуюся таджичку, – говорила Марго, перейдя на шёпот и приблизившись к уху Даниила настолько, что задевала его губами, – говорили” единичка”, а оказался примечательный случай. Когда на неё напали, то разбили голову, но она не померла. Содержимое головы начали употреблять, но, поскольку там не было достаточного кровяного давления, оборотень пустил лимфу в неистощённый организм и вуаля! Потенциальная “единичка” вела себя как “ноль”! Представляешь?

– Да, невероятно интересно. Она что-то говорит?

– Ага! И кое-что интересное рассказала, – продолжила Марго, убедившись, что заинтересовала коллегу. – Она, когда хотела на ГАИшницу напасть, увидела “двойку” в обнимку с каким-то парнишкой.

– “Двойку”? С кем? – кофе уже налилось, но Даня не спешил его забирать.

– С кем? С молодым человеком двадцати четырёх-двадцати шести лет, каштановые кудряшки, нос с горбинкой, трёхдневная небритость и очаровательные ушки. – Марго сказала

последние слова со страстным придыханием и прихватила зубами Даниилу мочку уха, отчего тот отскочил от неё как ужаленный.

– Марго, хватит? Это правда или нет?!

– Ты такой милаха! Аха-ха-ха. Ей половину мозга снесло и удивительно, что она смогла про леди вамп рассказать. И её слова не приняли бы к сведению, если бы она не была единственным свидетелем.

– Какой свидетель, у кровососов же нет прав?

– А вот всё тебе разжуй, – Марго загадочно улыбнулась и уже собралась уходить, но Даниил развернул её к себе, схватив за плечо и прижав к стенке. Взявшись за грудки он опустил её вниз с такой силой, что она не могла выпрямить колени.

– Какой свидетель? – спросил Даниил, смотря в глаза Маргариты.

– Отпусти, или буду кричать, – сказала Маргарита, сглотнув слюну, – я не шучу.

Даниил отпустил её, испугавшись сам себя и медленно отступил назад. Маргарита прислонилась к стене, не отводя взгляда от Дани. Поправив очки и застегнув пуговицу на сорочке, гордо выпрямилась и тут же изящно наклонилась, не стигая спину, достала стаканчик кофе из автомата и, подавая его Даниилу, сказала:

– Чего ты злой такой? Заразившиеся жертвы вампиризма частично восстановлены в правах, но только если есть доказательства принуждения.

– Извини, ясно, – Даня взял взял кофе и, не оборачиваясь, пошёл прочь от Маргариты, в лабораторию.

Он шёл заметно напрягшись и озираясь по сторонам. Уже пройдя по коридору половину пути, рискнул обернуться и увидел, что Марго по-прежнему внимательно смотрит на него. Даниил понятия не имел, что она будет делать и поняла ли она, что с ним произошло.

Связывали его с Маргаритой весьма специфические отношения. Познакомились они в онкологическом центре, в очень сложный для Даниила период жизни. Из-за начала блокады сначала закрылся решившейся европейских комплектующих завод, где и работал Даня, а потом лекарства для его больной раком мозга матери стали дорогим дефицитом. Оказавшись с пустыми карманами, он обратился к лечащему врачу с унижительной для его нутра просьбой – продать лекарства в рассрочку. В рассрочке было отказано, но было предложено оплатить препараты посещением ресторана, что впоследствии вылилось в близкие отношения. Попытки как-то оформить эти отношения, которые поначалу Даня предпринимал, были отвергнуты и переведены в сугубо дружескую плоскость, но с особенностями. Продолжалось это всего несколько месяцев, так как Даниилу быть другом-любовником становилось всё сложнее, да и их круги общения не пересекались из-за того, что Маргарита принадлежала академической элите, а Даня тяготел к пролетариату. Маргарита, поняв это, предложила перебраться вместе с ней в правительственную структуру, где предлагались достойная зарплата и льготное лекарственное обеспечение для членов семьи. Так он благодаря Марго оказался в "Неве" и, проявив незаурядные способности, попал в команду профессора Василия Марковича Ламберта. Со временем отношения с Марго охладели до приятельских, во многом из-за увлечения

Даниила его давней студенческой подругой, но и это не мешало им периодически уединяться в её квартире-студии в районе Озерков, куда Даня заходил после посиделок с друзьями.

Известие о свидетеле заставило Даню запаниковать. Ему хотелось скорее убежать из этого места, где за каждой стеной чудилось ухо, а из каждой замочной скважины смотрел глаз. Ускорив шаг, он приближался лаборатории. В голове крутилась мысль о том, как бы избавиться от лишнего свидетеля. Это было гораздо привлекательнее добровольной сдачи компетентным органам. Тяги стать подопытным у него тоже не было, это было не более чем оправданием к желанию жить. И почему желание жить надо оправдывать? А жить ему сейчас хотелось как никогда. “Так, надо взять себя в руки и всё обдумать. Как образуются “нули”? Когда заражённый оборачивается, у него практически отключается мозг и он не контролирует своё тело и ви-бак. Оборотень настолько занят насыщением питательными веществами (т.е. кровью), что когда уже не может из тела жертвы высосать остатки, то закачивает в него собственную лимфу и вместе с ней выкачивает остатки крови. Но поскольку лимфа обеднённая и несёт в себе лишь малые части колонии ви-бака, “ноль” не может полноценно функционировать. Они могут быть гораздо быстрее и сильнее человека, но они тупые и очень лёгкие. Любую их атаку можно остановить хорошим толчком или пинком. И они очень медленно восстанавливают повреждения. Так что свидетельства полоумного вурдалака вряд ли примут к сведению”, – Даниил настолько увлёкся своими размышлениями, что не заметил, как раздавил рукой картонный стакан с кофе, вылив на себя содержимое.

– Я Вам кофе не донёс, – смущённо сказал Даниил профессору, зайдя в его кабинет.

Василий Маркович посмотрел на него, чуть приоткрыв рот со старчески трясущимися губами и, подойдя ближе, спросил:

– Что с тобой, балбес? Иди смени халат и приведи себя в порядок. Постой! – профессор, чуть приподнял руку, призывая Даню обождать. – У тебя с настройками какой-то бардак. Он мне с утра на нижних этажах активность регистрировал, хотя откуда она там? Потом и вовсе! Начал показывать приближение! Я выглянул, а там ты идёшь. Боже милостивый, я на тебя чуть не донёс охране! – Василий Маркович внимательно посмотрел Дане в глаза и засмеялся. – Даниил Дмитриевич, приведите себя в порядок и исправьте это недоразумение. У нас ещё есть время, так как эти бестолочи из КПБУ не могут доставить “объект”.

Даниил выкинул халат в мусорное ведро. В туалете, отмывая руки от сладкой коричневой жидкости, он посмотрел на себя в зеркало и надолго задержал взгляд, пытаясь увидеть изменения в лице. А они были – исчез тонкий шрам на виске и небольшие воспаления, вызванные бритьём, а пошуровав языком по зубам, он не обнаружил скола полугодовой давности, а несколько пломб и вовсе вылезли, вытолкнутые восстанавливающимися зубами, – “твою мать!” – Ополоснув лицо холодной водой, Даня отправился в свою каморку три на два метра. Войдя, он вздрогнул и отшатнулся:

– Марго!? Господи! Нельзя же так пугать. Что тебе нужно?

Марго стояла, прислонившись к столу. Волосы распущены, чёрные кудри падали на плечи, но не скрывали глубокие ключицы, видневшиеся из широко распахнутого ворота блузки. Она, чуть наклонив голову, томно на него взглянула и, освободив из-под клычков до этого кокетливо прикушенную нижнюю губу, заговорила:

– Даниил... ты сегодня...

– Расскажи мне о лимфе с ви-баком, – перебил её Даниил.

– Да едрить тебя, Дантес, – девушка собрала волосы в хвост и нацепила на нос очки, – ты невероятный обломщик. Что ты хочешь знать?

– Скажи, Марго, “нули” же не заразны, верно? – Даня сел на стул, откинувшись на спинку, а Марго со скучающим выражением лица окончательно забралась на стол, пристроив щёку на ладонь.

– Всё так, к чему клонишь?

– Лимфа не приводит к образованию колонии, не влияет на мозговую активность, то есть практически является лекарством.

– Поверь, ты не первый, кто об этом догадался. Но ты же в курсе запретов на исследования.

– Конечно, но были же...

– Были. Но много лимфы лишь в оборотнях. Поэтому, – Марго достала тонкую сигарету и, щёлкнув зажигалкой, выпустила облачко дыма. – Поэтому, чтобы эту субстанцию достать, нужно кого-то убить, а кого-то заразить, а потом убить.

– А подробнее?

– Как делали перед войной – заражали бедолагу, обещая кучу ништяков Высших. Три дня держали, в лучшем случае – в комфорте, в худшем – сразу в кандалах. Во время обращения подвели жертву, давая оборотню выкачать всю кровь. А когда сердце агнца останавливалось, не помогая оборотню в выкачивании крови, тот впрыскивал остатки лимфы. Но чудо эликсиру добраться до сердца не давали, а вкачивали либо сразу в пациента, либо пытались сохранить.

– А в твоём свидетеле лимфы не может быть? Или...

– Нет, Дань. Ей грозит быть признанной человеком и об этом в СМИ не напишут, уж поверь. Я понимаю, к чему ты это спрашиваешь, но нет. Твоя мамка конечно хорошая, но ей придётся смириться с человеческой долей. – Маргарита выпустила клуб дыма и на мгновение скорчила недовольную мордашку, когда сигарета обожгла её пальцы.

– Лет пять назад был поляк-коллаборант – Ян Вайцеховский. Пшеки держали его, пока европецы виляли жопой, а потом растерзали, когда стало понятно, кто и на чьей стороне. Хотя он был человеколюбивее некоторых. Он освоил технологию культивирования этой самой лимфы оборотня, даже к нам что-то поставлялось, но всё сейчас проёбано вместе с ним.

– Дела... Мне, значит, нужен или поляк-коллаборант, или свежезаражённый человек, которого не жалко убить.

– Мне вот сейчас тебя не жалко убить, а со всем остальным весьма проблемно.

– Думаешь, всё так сложно?

– Конечно, Дань, – Марго потянулась, дав возможность блузке плотно прильнуть к телу, – может...

– Нет, Маргуш, не надо, – Даниил на миг задержал на ней взгляд, – ты, кажется, замёрзла.

– Ты невероятно душный тип, – Марго соскользнула со стола и, набросив халат, выпорхнула из кабинета.

Оставшись в одиночестве, Даниил запустил компьютер. Сеть “Невы” имела первый уровень доступа, в отличие от общегородского второго, не имеющего доступа за пределы федеральной сети. Нулевой уровень получили только спецслужбы и он отдалённо напоминал старый добрый довоенный интернет. Жители прикордонных территорий и вовсе довольствовались лишь третьим уровнем, представляющим из себя локальную сеть района. Простой запрос в строке поисковика “Ян Вайцеховский” ожидаемо ничего не выдал. – “Что ж, привет, торренты”. – Улов в торрентах оказался более богат – несколько PDF-файлов с текстами из научных журналов на английском, немецком, польском и русском языках. – “Так, что тут у нас?” – Вайцеховский основатель “Ви-Фарм”, значит. Существовала с 2014 по 2022, создана на мощностях фармацевтической компании “ПолиМедТек” и национализирована в 2021. Сам Вайцеховский учился в Великобритании на онколога. Там же познакомился с Высшими, ещё до того, как они показали себя миру. Принял “Дар” в 2013 уже на территории Польши, за день до того, как сейм принял запрещающие меры по отношению к гемофагам. В 2015 презентовал курс лечения злокачественных опухолей на основе обеднённой крови гемофагов. Сотрудничал с министерством обороны и вытеснил из госзакупок большинство других польских фармацевтических компаний. В интервью Вайцеховский упоминал, что с конкурентами он заключил джентльменское соглашение, о том, что “Ви-Фарм” не суётся на рынок лекарств и занимается только средствами борьбы с раком. В 2021, после серии вспышек эпидемии в Лодзинском и Нижнесилезском воеводствах, был заподозрен в биологическом терроризме. В травле больше всего отличился Польский Католический Союз, объединивший религиозных и националистических деятелей и до сих пор занимающий большинство в сейме. Про сами его исследования никаких упоминаний не было, а весь анализ сводился лишь этическим вопросам. – “Чёрт, никакой конкретики.” – Раздался телефонный звонок. На экране высветился номер Руслана.

– Да, Рус.

– Привет, Дань, ты после работы в Военмед сможешь подрулить, Олега проведать? – спросил Руслан.

– Да, конечно. Когда встретимся?

– Не встретимся. Я у него уже был, а он очень хочет тебя видеть, – Руслан говорил удивительно монотонно и безэмоционально, что было на него совсем не похоже

– А чего тебя не будет?

– Ну у меня дела вечером есть, не могу, короче.

– Я могу через полчаса подъехать. У меня работа накрылась.

– Приезжай когда хочешь, я всё.

Из трубки раздались гудки.

Глава пятая, в которой Олег просыпается после беспокойного сна и говорит с офицером ФСБ по имени Ольга.

Олег открыл глаза и наслаждался последними минутами до подъёма. На потолке переливались тени от тюля, освещённые полные луной, на которые он медитировал, предаваясь сладкой полудрёме. Лишь сквозняк и музыка со стороны двери отвлекали, он решил повернуть голову и взглянуть на источник беспокойства.

– Даня, Рус, Боря, парни, что вы здесь делаете? – напротив него сидели его приятели с гражданки с каменными лицами. – Эй, вы чего молчите?! – спросил он.

Сев на койке, он потянул руку к Руслану. От прикосновения Руслан начал падать назад, оставляя за собой в воздухе ручейки крови, которые зависали и с хрустом рассыпались рубиновыми кристаллами. Время стало вязким, а мышцы сковал лёд. Даня и Борис начали хватать ртом красные кристаллики, притягивающиеся к руке Олега, словно металлические опилки, покрывающие магнит щетиной. Вслед за сверкающими рубинами приближались дрожащие губы и Данила и Бориса.

– Хватит! Что вы творите!?! – кричал Олег в ватную тишину, глотающую все звуки. Лишь луна переливалась в мириадах рубинов, в каждой грани которых отражалась его лицо, лица друзей, лица врагов, кровь заполняла волнами всё вокруг, сея вокруг живое тепло и оставляя вкус металла во рту.

Руслан уже провалился во тьму, а рука Олега всё ещё тянулась за ним и он не мог её остановить. Гравитация сменила свой вектор и уже всё тело Олега падало в бездну, пока две пасти не вцепились в руку и рубины вокруг не взорвались фейерверком.

– Неет!

На востоке готовое появиться солнце окрасило облака в красный цвет. Не было понятно где кончались облака, а где начинался дым от пожара, охватившего улицу, утыканную горящими особняками. Впереди ехал БТР-80 с прожектором, бьющим синеватым цветом, а вокруг шли солдаты в костюмах химзащиты с рваными огнемётами за спиной и посылали струи пламени в дома и в выбегающих из них людей. Олег шёл за ними и, увидев в доме справа движение в выбитом пулёмётным огнём окне, послал туда струю пламени, что отозвалось взрывом, сбившим его с ног. На втором этаже, видимо, рванул газовый баллон, осыпав улицу горящими осколками, среди которых и валялся Олег, а майор Беспалов, подошедший сзади, поднял его, вытирая очки противоголоза от копоти и приговаривая:

– Сержант Гончаров, жги всё, выжигай всё к хренам, это место не для них, это место должно стать пеплом!

– Но здесь могли жить и мы, тащ майор.

– Нет Гончаров, это место не для жизни, это место для пепла. Это место для пепла, на котором мы возведём новый мир и докажем свои права на жизнь. – ответил майор, начиная тлеть под лучами рассветного солнца. – Выжигай! Выжигай! Выжигай!

Порыв ветра бросил тлеющие остатки майора в лицо Олега, от чего он снова упал на землю и каждая частичка его тела начала гореть и улетать прочь, лишая душу тленной оболочки, оставляя звенящую тишину.

– Гончаров Олег Дмитриевич, Гончаров Олег Дмитриевич!

– Уходите отсюда! Перевязка не закончена!

Олег услышал два женских голоса и попытался открыть заплывшие гноем глаза. Свет слепил. Поняв, что находится в больничной палате, он попытался встать, но тяжёлая голова не дала этого сделать, отреагировав волной боли, прошедшей от глаза до макушки.

– Вот, он очнулся! Дайте с ним поговорить!

– Нет! Я сейчас позову главврача!

– Вызывайте! Я из ФСБ.

Со второго раза Олегу, всё же удалось поднять голову выше, чтобы иметь возможность видеть творящееся вокруг. Он лежал в большой палате, где пациенты были отгорожены друг от друга шторками. Возле него сидела крупная сорокалетняя медсестра с волосами странного коричнево-фиолетового цвета, стриженными под машинку. Она перебинтовывала его руки, на которые была нанесена пахучая мазь. Позади молодая женщина в чёрном пуховике. Её русые волосы были стянуты в косу, что открывало высокий лоб, венчающий лицо с длинным греческий носом, большими карими глазами и выдающимися скулами, которые напрягались каждый раз перед тем, как с её тонких губ срывались слова.

– Он проснулся! Я задам буквально пару вопросов.

– Нельзя, я сказала! – ответила ей медсестра, загораживая проход своим широким телом.

– Да ничего, я могу, -приподнявшись на локтях, подал голос Олег. Но боль вновь пронзила черепную коробку. – У меня сотрясение?

– Нет, похмел у тебя, герой... Да что ты творишь?! – Девушка протиснулась мимо медсестры и села на стул рядом с койкой, задёрнув штору прямо перед её носом.

– День добрый, я Ольга Григорьевна Борщёва, следственный отдел ФСБ КПБУ.

– Что, извините?

– Комитет предотвращения биологической угрозы, о нас не особо по телевизору говорят. Наш оперативный отряд, ОПБУ, мелькает, а мы нет, – Ольга украдкой улыбнулась, но резко посерьёзнев продолжила. – Вы Гончаров Олег Дмитриевич, девяностого года рождения?

– Да, я.

– Присутствовали ли Вы в баре “Фишбон” вечером пятницы?

– Да, присутствовал.

– С Вами кто-то был?

– Трое моих друзей

– Узнаёте этих людей? – Ольга протянула Олегу фотографию, на котором было изображены лица в копоти и кровоподтёках. Тот, взяв одну из фотографий, сглотнул подошедший к горлу комок и дрожащими руками вернул снимок.

– Узнаю. Это Борис. Мой друг.

– Соболезную.

– Эх...да.

– Когда Вы с ним встретились, он уже был заражён?

– Нет, нет, с ним точно всё в порядке было. На него напали, когда он на кухню пошёл. Был бы он заражён, я бы увидел.

– Вы раньше видели заражённых?

– Больше, чем хотелось бы.

– При каких обстоятельствах?

– Западный кордон, а потом Красный список. Слышали, наверное?

– Конечно. Вы служили тогда?

– Да, срочную. Добровольцем пошёл.

– Ясно. Так Вы не видели заражённых в тот вечер, до заражения Бориса Купцова?

– Нет, полукровок не видел.

– То есть? А не полукровок?

Бар «Фишбон». 10 часов назад.

После того, как первые пули прошелестели около его уха, вонзаясь в раненого им и Русланом вурдалака, он потянул Руса вниз и спрятался за лесенкой, разделяющей залы. Оттуда он наблюдал за рыжей девушкой-лейтенантом, открывшей стрельбу и усатым капитаном, пришедшей той на помощь. Когда стрельба затихла, он решил посмотреть, что происходит в другой половине зала. Полицейские, зайдя туда, о чём-то переговаривались и девушка, забрав у капитана автомат, пошла на кухню, а капитан, держа пистолет на изготовке, подошёл к свисающему со стола Борису и, пнув того носком, резко отошёл назад. У Олега до скрипа зубов сжались челюсти, но он решил не привлекать внимание, чтобы не схлопотать пулю. Полицейский, убедившись что Боря не зашевелится, пошёл дальше. Подойдя к следующему телу, он что-то сказал, взвёл курок и приготовился стрелять. Олег меж тем разглядел Даниила и дёрнулся вперёд, понимая, что тот жив, но его сейчас убьют. Заметив движение боковым зрением, капитан перенаправил пистолет на Олега. Тот словно рыба хватал воздух, пытаясь что-то сказать и смотрел куда-то ему за спину. Полицейский инстинктивно посмотрел туда же, но успел увидеть лишь чуть раскосые серые глаза, смотрящие в упор. Его руки завязали в узел, а ладонь, лёгшая ему на макушку, повернула голову на сто восемьдесят градусов, дав возможность капитану увидеть в ужасе смотрящую на него напарницу и упыря позади неё. Он бы и предупредил Леру об опасности, да только гортань теперь была под затылком и темнота уже поглощала сознание.

Не в силах оторвать взгляд от происходящего, Олег видел, как незнакомка, минут пять назад болтавшая с Даней, теперь держала его одной рукой, перед этим без особых усилий сумев скрутить мужика на голову выше и раза в три шире себя. Заметив лейтенанта, она закрыла собой Даниила и приняла в спину всё содержимое магазина калаша. Затем она швырнула в кухню гранату, снятую с уже бездыханного капитана.

Олег инстинктивно успел упасть, пропустив взрывную волну выше себя, но не укрылся от упавшего на него навесного потолка. Нижнюю половину тела прижало рамой из алюминиевых профилей, перемешанных с гипсокартонными панелями. Придя в себя, он почувствовал запах дыма и попытался выбраться. Несколько раз безрезультатно дёрнувшись всем телом вперёд, отжался от пола, подняв вместе с собой всю конструкцию. Из этого положения, опираясь на колени, Олег вылез из-под завала, с грохотом обрушив его позади себя. Отодвинув в стороны потолочные панели, преграждающие путь вверх лестницы, за которой прятался, он, наконец, смог рассмотреть, что же творилось в зале. Взрыв разнёс кухню, обрушив там потолок, а врывной волной выбило стену напротив, дав возможность наименее пострадавшим гостям верхнего зала убраться из этого ада. Многие мягкие диванчики вовсю полыхали, распространяя пламя на остальную мебель и заволакивая дымом пространство вокруг. По обе стороны от пролома в стене были разбросаны тела разной степени целостности и стонали раненые. Кто-то пытался им помогать, но большинство просто отводило глаза, пробегая мимо к спасительному выходу.

Вдруг из под горящих обломков, ровно на том же месте, где лежал истекающий кровью Даниил, выбралась та самая незнакомка, держа его на руках. Порыв ветра поднял вверх её горящий разорванный плащ, усилив сходство с Фениксом, восставшим из пепла и расправившим крылья. Пламя девушку не обжигало, а обволакивало, превращаясь в светящуюся оболочку. Присев, она положила Даниила на выставленное вперёд колено и провела над ним ладонью с растопыренными пальцами, отчего тот изогнулся, словно поражённый током и потоки крови ещё сильнее стали бить из разорванных вен и артерий. Потом девушка как будто бы поймала невидимую нить, потянув за неё, остановила текущую кровь, а затем, сжав кулак, обратила струйки вспять. Её трясущаяся от напряжения рука словно магнит вытягивала кровь даже из бедолаг, убитых взрывом. Наполнив воздух ручейками свежей крови, она вонзила ладонь

Даниилу под ребро, достав красный безжизненный комок и с печалью взглянув на его умиротворённое лицо, стиснула сердце в кулаке, выдавив из него последние капли крови. Отбросив плоть в огонь, достала из-под обломков кусок арматуры и, оглядев, вонзила себе в живот, отчего её лицо исказилось болью. Она не резала, а буквально разрывала кожу, прилагая к этому очевидные усилия. Закончив, девушка отбросила прут и запустила руки в рану. На её глазах от напряжения выступили слёзы. Засунув руку в разрез по локоть, обнаружила то, что искала и вынула сердце, но белёсое. – “Боже! Она вынула своё сердце!”.

Олег взял себя в руки и огляделся вокруг. Позади него, под листом гипрока, лежал в отключке Руслан, сопением доказывающий свою жизнеспособность. В другом конце зала на диване распласталась девушка-лейтенант, откинута взрывом. В её руке была зажата рукоять автомата. Он рванул к лейтенанту и, выхватив из её рук оружие, начал думать – зачем он это сделал, сколько осталось патронов в магазине и насколько быстро его будут убивать.

– Ты, наверное, сейчас думаешь, зачем ты это сделал, – не оборачиваясь, сказала незнакомка.

– Кто ты такая? Отпусти его! Что ты с ним делаешь? – Олег повернулся к ней, но всё ещё боялся направить на неё ствол и стыдился своей импульсивности, ушедшей в никуда.

– Он умер, а я даю ему право выбора. Всё-таки не каждому даётся такое право после смерти. Не правда ли? – она засунула ладонь с бьющимся комком в ней Дане под ребро.

– Мёртвые должны оставаться мёртвыми.

– Если ты решил выбирать за друга, то волен упокоить его хоть сейчас.

– А почему бы мне не убить тебя?!

– Ну что ж, попробуй.

Олег вскинул автомат и прицелился, но вдруг автомат выстрелил, ударив ему по лицу крышкой ствольной коробки. Выстрел произошёл без прикосновения к спусковому крючку и пуля ушла рядом в пол. От неожиданности Олег выронил оружие из рук и ошарашенно посмотрел на незнакомку. Та, улыбнувшись, вынула ладонь из плоти Даниила и тот с хрипом вздохнул.

– Как так-то?! – воскликнул Олег, смотря на кровь, капающую из рассечённой брови.

– Ты извини, но мне мой интерес важнее. Ты же Олег, да? – спросила незнакомка, встав снова с Даниилом на руках.

– Что за интерес? Откуда знаешь, как меня зовут?

– Не важно. У друга твоего три дня.

– Три дня на что?

– На то, чтобы сделать выбор.

– Да на хрен твой выбор, что ты этим выбором заладила?!

– Не мой выбор и не твой, а Даниила. И если ты не можешь ему помочь, то просто не мешай. Прощай.

– Ты куда?

В лицо Олега ударила вода из системы пожаротушения, до этого ни как себя не проявлявшей, несмотря на буйство огня. Зажмурившись и сделав шаг назад, он оступился и упал. Поднявшись, увидел лишь дымящиеся обломки у пролома, но, кроме как на месте жуткой встречи, система нигде не сработала и пожар продолжался. Посмотрев в ночную тьму и увидев отблески мигалок, потерявшийся и ошеломлённый, Олег стоял, пока кто-то не толкнул его.

– Эй! ты чего здесь тупишь? Или вали или помогай людей вытаскивать! – сказал ему парень в спортивном костюме, на которого опиралась укушенная Борисом девушка.

– Руслан! – вспомнил о друге Олег и пошёл за ним. Вынеся его, вернулся за рыжей полицейской, а затем, услышав крики раненых, полез вытаскивать людей из-под обломков.

– Так Вы говорите, что кроме полукровок, там кто-то ещё был. Кто?

– Женщина... – Олег отвечал, уставившись в видимую лишь ему одному точку.

– Высшая?

– Женщина и гемофаг... наверное. Стрёмный тип, короче, сидел напротив... девушки. К ним пошёл мой друг Даня.

– Это был его знакомый?

– Что? Неее. Он д`Артаньян местами. Из-за баб... – Олег осёкся и покраснел, – ой простите...

– Ничего, продолжайте.

– Короче, из-за баб он пиздюлей больше, чем на войне получил. Драться ни хрена не умел... не умеет, а вот лезет защищать.

– Того подозрительного типа опишите?

– Ну не знаю, такой он... Вроде дрыщ в серой толстовке, джинсах и берцах, весь в серой пыли.

– Серой?

– Толстовка да, серая.

– Нет, я поняла, а пыль – серая?

– Скорее да, а что?

– Лицо видно было?

– Нет.

– Ладно... А девушку описать можете?

Олег на мгновение замер. *Даню пока не сдам. Когда врут, отводят взгляд влево или вправо? Чёрт! Мне хана.* Упёршись взглядом Ольге прямо в глаза, он продолжил.

– Нет. Я к ней спиной сидел и не видел. Потом она ушла и больше не появлялась. Что потом случилось я не помню. Сестра!

– Эээ... ладно, я к Вам позже подойду. *Что ты скрываешь, горе партизан?*

– Да, конечно. А сейчас, извините, мне поплохело, – Олег скорчил страдальческую гримасу и закатил глаза.

Ольга хотела было показать своё отношение к такому лицедейству, но, вбежавшая медсестра развила активность, способствующую скорейшему устранению инородных объектов из её епархии. Захлопнувшаяся дверь палаты обрубил поток кудахтанья и причитаний, оставив Ольгу в полутёмном коридоре.

– Аллю! Марго, привет! Из вчерашних к вам кто-нибудь необычный поступал?

– Привет, Олюшь, было такое. Котята с сюрпризами – одна “единица” должна была быть, но она почти без мозга и скорее жертва, бред несёт без умолку. Ну и три “нуля”, но от их тирад совсем нет толку.

– А жертва твоя о чём бредит?

– О шайтане в капюшоне и с горящими глазами говорит.

– Хм. А из жертв ещё кто-то необычный был?

– В каком смысле необычный? Девушку, “нулём” потрёпанную, посадили в карантин, но, скорее всего, её скоро уже отпустят.

– Это не то. А вот трупы? Среди погибших были аномалии?

– Ну под ними и в них было очень мало крови, но там система пожаротушения сошла с ума и била как из брандспойта. Некоторые части тела вообще на улицу смыло. Стой, стой... неужели ты думаешь, что там “двойка” была?

– А может кто похуже. Спасибо, Марго! Пока.

– Оль, погоди! Ты приезжай, чаи погоняем. У меня коньячок есть. Покажу тебе всех.

– Я бы с удовольствием Маргуш, но надо мной висит дамоклов меч начальства. И светиться возле вашей конторы для меня пока чревато проблемами на мою многострадальную задницу.

– Тебя всё из-за Андрея угнетают?

– Да... С ног сбилась, ища его.

– Расскажешь?

– Нет, извини.

– Да ничего, не вешай нос, пока, целую нежно в щёчку.

– Пока, пока...

Глава шестая, в которой Ольга Борщёва видит очень странные вещи.

6 дней назад. Под Санкт-Петербургом. Жёлтая зона.

“Нива” неслась по шоссе, воя трансмиссией и скрипя дворниками, разгребающими налипающий на лобовое стекло мокрый снег. Несмотря на высокую скорость и непогоду, левое окно было открыто, впуская в салон потоки холодного сырого воздуха. На правом сидении сидел мужчина, съёжившись, зарывшись носом в ворот куртки и накинув на голову серый капюшон.

Радио “Рассвет” встречаешь с радостью! Радио “Рассвет” – луч надежды! Итак, с вами ваша ДиДи Дарья Климова и мы продолжаем концерт по вашим заявкам! Следующие сообщение в чате, которое я выбрала: “Мой муж, моряк-балтфлотец, Илья Карякин, уходит в боевой поход. Я знаю, что в плавании он будет слушать ваше радио и поэтому прошу поставить для него композицию Дельфина “Серебро”.

– Да ну, нафиг эту нудятину, – комитетчица потянулась к радиоприёмнику, переключая радиостанцию.

...Польша отозвала своего посла в Российской Федерации для консультаций...

...Мы должны защитить само существование человеческого вида и будущее для наших детей!...

...оттепель кончится уже этой ночью...

– Оля, мать твою! Заканчивай щёлкать, закрывай и поддувало своё, сил не как холодно.

– Нервный какой, Господи. Внутри салона не кури, руку высунула – ему холодно. Нахер такой здоровый образ жизни, ты от духоты своей помрёшь раньше, чем я, – пробубнила Ольга закрывая окно.

– Ой ,блин, пострадавшая главная. Когда же тебе на других наплевать не будет уже, а?! Говно, что ты вечно наворотишь, знаешь, как тяжело разгрести?! Из-за таких, как ты, нашу контору и хотят закрыть, потому что беспредел! Под Зеленогорском гнездо нашли, так нет, чтобы команду зачистки вызвать, как положено по инструкции, но нет ты у нас РембА недоделанная! Чего ты с бомжом на шухере сотворила?

– Но он к стволу тянулся...

– Это я в отчёте написал, мать твою! Правильно, ты сообразила, что к кнопке тревоги он лапки свои потянул. Но что ты сделала?

– Что я сделала?

– Из этой израильской дуры по руке ему шамальнула! У тебя шокер есть, у тебя бесшумник есть, но нет! Ты этой гаубицей предупредительный выстрел делаешь... По руке, блять! Шум

в Питере, наверное, слышно было, вспышкой всю округу осветила. У него брови от вспышки сгорели, хотя в четырёх метрах от тебя был. Руку по плечо к херам разнесло, пальцы за десять метров улетели.

– Но не нажал ведь.

– Так ты его работу сделала! Ладно бы ещё день был, вурдалаки бы там и остались, но мы же в сумерки туда поёрлись. “Всё сразу сделаем и со спокойной совестью будем почивать на лаврах,” – ага, блять. Нахер им сидеть там, зачистки ждать – наружу поёрли.

– Но ведь не ушёл никто.

– Не ушёл... Хули им уходить, если ты кровавую баню бомжу устроила. Конечно, им соображалку вырубил к чёрту с голодухи.

– Всё обошлось, Андрюх, будь проще уже, как баба, ей-богу. Потом вспоминать будешь, внукам рассказывать про тётю Олю, которая...

– Чуть не сделала из дедушки бабушку, – продолжил за Ольгу Андрей, – твою мать. Надо же додуматься – прямо на человеке взрывать гранату!

– Световую!

– Ага, с температурой солнца! Куртку в помойку, броник в помойку, кобуру нулячую в помойку. Штанам жопа, с мудей пепел осыпается. Ты чего лыбу-то давишь? Чего хрюкаешь себе под нос? Думаешь, мне перед Ашотычем мало объясняться было, так мне ещё и перед Женькой оправдываться пришлось. “Чего ты небритый, как макака, ходишь месяцами, а тут решил свой субтильное тело от кучерявостей освободить. Куда, кобелина, свой хвост нацелил?!”. Я, блять, святой стратотерпец, а мне предьявы такие, а!?

– Всё, угомонись, Андрюх! Мы почти приехали. Я те пива куплю, но потом.

– Ладно, только ради Бога, давай делом, а не покупками займёмся. Стыдобища от этого действия и так, сил нет.

– Андрюх, душнина ты этакая, рынок даже работать не будет.

– Да ты найдёшь...

“Нива” свернула в деревню Чёрная речка, одну из многочисленных деревень, оставленных жителями после катастрофы. Но пустовала деревня недолго. Довольно скоро в ней обосновались граждане, не нашедшие взаимопонимания с законом, но не с законоблюстителем. После многочисленных попыток прикрыть контрабанду, ФСБ её возглавило и перенесло деятельность подальше от посторонних глаз. Большинство граждан с трудом пересекали границу с Финляндией, продираясь сквозь тернии бюрократии и многочисленных проверок, а в то же время восточнее находился открытый коридор для избранных, которые могли принести государству пользу и держать язык за зубами. Поскольку леса ещё кишели нежитью, а трассы контролировались военными, серая торговля поплыла. По рекам и речушкам, через Ладожское озеро, на север и меж островов в очередные переплетения рек, а затем обратно.

Казалось, что дорога в деревню заброшена. На обеих полосах стояли остовы машин. Но, если бы кто-нибудь попытался их убрать, то узнал бы, что к асфальту их крепит арматура и бетон. А из леса на дорогу смотрит 14,5-мм пулемёт, не оставляющий шанса ни людям, ни вурдалакам. Дальше “Ниву” ожидали дома, стоявшие по обе стороны дороги. Здесь начиналась улочка, вдоль которой шёл сплошной деревянный забор. Прижавшись к левому краю дороги, “Нива” остановилась и дважды коротко посигналила. Из окна выглянула худощавая старушка и, подперев подбородок ладонью, посмотрела на Ольгу скучающим взглядом.

– Из раза в раз одна и та же херня, – пробубнила под нос Ольга, – день добрый, баб Люб!

– Здравствуй Оль, ох, – Любовь Михайловна взяла очки и протёрла стёкла носовым платком. Вместо того, чтобы одеть их на нос, она воспользовалась очками словно лупой, читая содержимое экрана кнопочного телефона: – “Бруно восемьдесят”, – про Олимпиаду небось?

– Ага, про мишку ласкового. “Ад живых мертвецов”, да, Максим Ильич? – Ольга, высунув голову, посмотрела наверх, под конёк двухскатной крыши, где поблёскивал глазок камеры, – вот “Дед Максим козу доил” чем плохо? Баб Люб, вот скажите честно, он только мне такие пароли придумывает?

Любовь Михайловна многозначительно пожала плечами:

– Надоело, Оль, ой надоело, но что поделаешь-то. Нас, стариков, раз, два и обчёлся осталось. Ни пенсий, ни пособий нет. А вот тут хоть как-то.

– Ладно, мы поехали?

– Давайте, ребята, ежайте, – баба Люба, чуть наклонившись, на что-то нажала и ограда возле дома, в который упиралась дорога, начала заваливаться назад.

Машина двинулась навстречу падающему забору. Доски со скрипом чуть прогнулись под “Нивой”. Затем начался резкий спуск вниз, под дом, в туннель из двух сорокафутовых морских контейнеров. Преодолев туннель, машина поднялась обратно на поверхность, свернула, объезжая туристический автобус, из окна которого торчал автоматический гранатомёт и виднелись лица скучающих мужиков, перекидывающихся в карты. В этот момент водитель, если бы повернул голову налево, мог бы увидеть, что дачные дома с обратной стороны неполноценны. С фасада кажущиеся целыми и обжитыми, сзади они выглядели пережившими торнадо или землетрясение. Самопальные стены из брезента, фанеры, досок и металлических частей были временным решением, но ничего более постоянного, чем временное, как известно, нет.

Деревню с одной улицей, прежде стоящую на этом месте, контрабандисты переделали в свой форпост, совместив перевалочную базу с рынком. Готовясь жить в условиях отсутствия государства, место попытались максимально скрыть от чужих глаз. Реквизировав с ближайшей стройки технику, новые хозяева буквально развернули деревню, перегородив ею путь вглубь полуострова. Для более плотной “застройки” дома разбирали на две половины, вселяя в них посты охраны. Единственную уцелевшую местную жительницу – Любовь Николаевну – оставили как своеобразный пункт пропуска, призванный узнавать у неожиданных гостей цель визита.

Сегодня в Чёрной речке было тихо, так как в отсутствии навигации, товары вместо многочисленной флотилии лодок и катеров, возили гораздо более редкие и дорогие суда на воздушной подушке. Из-за этих обстоятельств рынок открывался раз в неделю и в этот день покупатели могли осмотреть товар. Вывоз товара, который на себе не мог унести человек само-

стоятельно, организовывался за дополнительную плату силами контрабандисткой артели. Это объяснялось соображениями безопасности, покупатель это воспринимали как желание контрабандистов лишний раз пожить, а на деле ФСБ имело возможность контролировать, что и для кого, ввозят в страну обходными путями.

Меж тем, “Нива” преодолела рыночную площадь и спустилась к причалу, рядом с которым находилась обиталище Максима Ильича. Жил и принимал гостей хозяин Чёрной речки внутри тентованного полуприцепа, под которым скрывалась бронеканула с жилым модулем, центром связи, комнатой для совещаний и генератором, питающим электричеством всё это хозяйство. Прицеплено это было к полноприводному лесовозу “Volvo”, готовому в любой момент сорваться с места.

Ольга, обменявшись приветствиями с бродившей вокруг охраной, вынула лестницу упрянтанную над стоп-сигналами, и поднявшись по ней, отогнула полог тента, за которым пряталась площадка перед дверью, ведущей внутрь. Не успела Ольга нажать на звонок, как дверь щёлкнула и чуть приоткрылась, приглашая внутрь. Пройдя коридорчик, Ольга и Андрей вошли в кабинет Максима Ильича. Тот сидел в высоком кожаном кресле во главе Т-образно поставленных столов и курил сигариллу, наблюдая, как дым струйками улечувивается в вытяжку. Максим Ильич был долговязым седым мужчиной неопределённого возраста, лицо которого украшало пенсне. Увидев гостей, он чуть наклонил голову и указал глазами на места напротив, предлагая присесть. Коротко раскланявшись, Ольга и Андрей уселись за стол. Максим Ильич протянул им жестяную коробку с сигариллами. Андрей на предложене чуть поднял руку и мотнул головой, а Ольга взяла две штуки, одну спрятала в нагрудный карман, а другую закурила. Максим Ильич неодобрительно покривился и, подтянув коробку к себе, закрыл её и убрал в ящик стола.

– Максим Ильич, ты чего к своей норе лестницу нормальную не поставишь? – начала разговор Ольга, развалившись в кресле и взяв пепельницу со стола в руки. – Всё к зомби-апокалипсису готовишься? Так не будет его. И не надо бабу Любу мучить своими идиотскими паролками. Вампиры, мать их , вылезли и хрен ты на своей фуре от них скроешься.

– Вампиры? – Ильич наигранно поднял бровь, – они ли одни? Мы с вампирами в последнюю очередь боремся. Я сколько всего повидал на свете, но их не видывал, а вот прочей нежити, ух. Ты не смотри, что у коллаборантов одна форма конкурентна с человеком. “Нули”, как вы их кликаете – вот чем не зомби? Зомби самые натуральные и в Долгую зиму вполне себе живучие. Ну а оборотни, они оборотни и есть – в волка может и не превращаются, а в зверя – более чем. Ольга, тебе смешно, что я к нашествию зомби готовился, но я это место построил, пока государство разваливалось. Пока вы людей проёбывали, я их спасал. Пока вы людей на убой бросали, я воздвиг для них крепость. Вы послушный скот воспитали, с которого налоги стригли, но оказались хреновыми пастухами. Так что не надо мной смеяться и надо уважение поиметь.

– Уважение, блин, поиметь. Государство у него разваливалось. Ну, Максим Ильич, ну что такое а? У ФСОшников фургон увёл, со строительства оборонительных сооружений технику скомуниздил, панику на блок-постах и в гарнизонах поднимал. И настолько схитрожопился, что свой табор как лагерь беженцев оформил.

– Чем он и являлся, прошу заметить.

– За это индульгенцию и дали, да награбленное разрешили оставить. Так что прошу не испытывать дальше судьбу. И вообще, Ильич, кончай церемониться, что тебе надо от нас? – прервала тишину Ольга.

– Я у вас, господа чекисты, никогда ничего не просил. У меня как раз наоборот, есть кое-что для тебя.

– Для меня? Ох-хо-хо, я впрямь сконфужена. Я же при напарнике, как-то нехорошо получается.

– Улика, – Максим Ильич чуть обернулся и крикнул, – Дима, неси!

Послышался шум шагов и грохот, от звука которого на лице Ильича появилась болезненная гримаса. Дверь позади него открылась и вошёл Дима, бывший почти точной копией хозяина кабинета, только с меньшим количеством морщин. В руках он нёс винтовку длиной чуть меньше своего роста. С ощутимым усилием приподнял её, зацепившись стволом об потолок, вздрогнул, но, сохранив невозмутимость, взгромоздил оружие на стол. Обратив внимание на Ольгу с Андреем, Дима сказал “здрате” и вышел из кабинета.

– Балбес, – поморщился Максим Ильич. – Собственно, вот.

– Это точно не мне подарок? – спросила Ольга. – Хотя я, откровенно говоря, снайпер так себе. А парень твой сын?

– Это “Тор”, – впервые что-то сказал Андрей. – Польская, только огромная какая-то.

– 23 миллиметра. И да, это мой сын, – уточнил Максим Ильич.

– Ух ты, – Андрей начал щупать винтовку, – тяжеленная. И откуда она у Вас?

– За этой посылкой не пришли, отдам за 350 кусков. И это только часть груза.

– Ну и зачем нас по этому поводу вызывать? – удивилась Ольга. – За тобой особист закреплён для таких дел. Польская, ну и что с того? Они на западной Украине воюют, а там в плане оружия чёрная дыра. Сто тысяч.

– Ольга! – вскрикнул Андрей.

– Не мешай, – процедила она сквозь зубы в ответ.

– Это грабёж, – констатировал Максим Ильич.

– Семьдесят тысяч. Со скользящим затвором. Эта штукovina малокалиберной артиллерией считается и за её хранение можно люлей схлопотать. Скажи спасибо, что как вещдок не изымаю.

– Спасибо, – недовольно буркнул Максим Ильич. – Ещё у меня мёртвый поляк.

– Та-а-к! И в какой момент он стал мёртвым?

– В тот момент, когда познакомился с Димой.

– Ну-с, рассказывай.

– Покупатель не пришёл за товаром. У нас же правило – если товар не забирают, то он остаётся у нас.

– Да кто бы сомневался, – пробубнила Ольга.

– Оля! – шикнул Андрей, – оставь свои колкости на потом.

– Спасибо, Андрей, – поблагодарил Максим Ильич. – У нас всё-таки не почтовая служба, чтобы посылки отправителю возвращать. А посылка большая была – 10-ти фунтовый контейнер. Мы его вскрыли, а там два кейса из бочек и морозилка.

– Морозилка?!

– Да, морозилка. Когда мы в тёплый склад контейнер поставили, она работать начала. Как я понял, на аккумуляторах – там индикатор из четырёх светодиодов есть, мы постарались его не сломать. Тогда мы вытянули контейнер на улицу. Но она не выключилась и деление исчезло – стало три. А самая проблема в том, что мы её открыть самостоятельно не можем.

– Да ладно! Ваши умельцы, да не могут открыть?!

– Представь себе. Ничего не берёт. Понятия не имею, что за сплав, но на попытках открыть только расходники теряем, да инструмент гробим. От газового резака, правда, какой то зуммер орать истошно начинает и поэтому мы не рискуем.

– Ладно, интересно. Что в бочках?

– Так вот. Бочки мы вскрыли, а там оказалось оружие. По сути в этом ничего необычного – оно же у нас не запрещено, всякое везут. Но не такое, не из Польши и не в таком количестве.

– А там, кроме винтовки, что-то было ещё? – уточнил Андрей.

– Ну да, – Максим Ильич повернулся на кресле и, не вставая, нагнулся. Раздалось клацанье клавиш, после чего щёлкнул замок и невидимая гостям дверь открылась. Хозяин кабинета развернулся обратно уже с оружием в руках. – Собственно, вот.

Андрей и Ольга переглянулись. Они сразу поняли, для кого это оружие предназначается. Внешне автомат напоминал в полтора раза увеличенный АК. Ствол венчал пламегаситель, приклад отсутствовал, а в прозрачном барабане магазине виднелись патроны в массивных гильзах. Андрей взял в руки автомат, отсоединил барабан и с заметным усилием извлёк оттуда патрон.

– Оболочечная пуля в металлической гильзе двенадцатого калибра 89 мм, – сказал Андрей, рассматривая патрон. Мы с таких начинали.

– С таких? – переспросил Максим Ильич, – это же на редкость неудобная штука. Очень много дури, возвратная пружина тугая, приклада нет. Такой в тиски засунуть нужно, что бы выстрел пережить. Хех. Я бы не удивился, если бы такой аппарат из САСШ пришёл, но вот

из Польши... Дела, конечно. Не думаю, что у пшеков, после того как к ним Святой Престол переехал, будут оружие для упырей делать. За пятьдесят тысяч деревянных возьмёте? – он внезапно замолчал и поверх пенсне посмотрел в глаза Ольги.

Ольга встрепенулась, выходя из задумчивости и высоко подняла брови. Максим Ильич продолжал вопросительно смотреть на неё. Она перевела взгляд на Андрея, тоже на неё смотрящего и стрельнула глазами в сторону их собеседника, тем самым делегируя право отвечать на вопросы. Андрей обернулся к Ильичу, несколько раз глотнул воздух в попытках что-то произнести и, найдя наконец подходящую комбинацию положения губ и языка, отчеканил:

– Это не наша юрисдикция, – и смущённо приосанился.

– Андрей, Вы снова невероятно кратки. Ладно. Я бы не хотел иметь дело с ещё какими-то там юрисдикциями, мне и вас хватает. Хоть какую-то прибыль с этих мёртвых поляков поиметь надо.

– Вот, давайте про мёртвых поляков, – вмешалась в разговор Ольга.

– Конечно, давайте, Оля, – Максим Ильич пожал плечами. – И нечего меня всё время с темы разговора сбивать. Мы выследили телефон покупателя.

– Он держал его включённым? По звонку выследили? На какую тему общались? – вновь перебила Ольга.

– Нет, мы не общались, – Максим Ильич вновь скривил лицо. – Только сообщили о прибытии груза. Ну и пытались напомнить спустя сутки, но в тот раз он уже не брал. Подождали и начали вскрывать контейнер. Так как сундучок не поддавался, решили поискать ключик у получателя. И для начала наш телефончик найти, он должен был его вернуть.

– Выключенный телефончик?

– Оля, наши отношения – это улица с двусторонним движением. Я вам, а вы мне оказываете услуги. Не так ли?

– Мне казалось, что наша услуга тебе это то, что мы тебя не замечаем.

– Времена меняются. В итоге, как мы первый раз удочку закинули, так сразу и вытянули рыбку. Паршивую, надо сказать, рыбку. После оборотной ночи мы к нему на огонёк зашли.

– И он не ушёл гулять?

– Нет, заражённого заперли за безопасной зоной, в бывшем банковском отделении. Потрепали вурдалаки его конкретно, но как-то странно. Вам будет лучше самим посмотреть.

– Ты его сюда припёр?

– Сюда Дима его как трофей припёр, охотник хренов. Улики девать некуда ему, видите ли. Хотя, может, и будет с толк этого. Интересный он. Так будете смотреть?

Чекисты выразили согласие и вышли из прицепа. Чуть позже к ним присоединился сам Ильич и они в его сопровождении пошли на смотрины. Склад представлял из себя приземистое строение, собранное из профилированных листов металла, присыпанных сверху землёй. Внутри склада, рядом с пресловутой морозилкой, выглядевшей как искромсанный и опалённый металлический куб с человеческий рост высотой, виднелось тело. Труп мужчины среднего роста лежал вниз лицом на расстёгнутом чёрном мешке. Коричневый короткий пуховик был растерзан на уровне поясицы и топорщился окровавленными лохмотьями. Джинсы представляли из себя также не лучшее зрелище, изобилуя оторванными и пропитанными кровью лоскутами. На правой ноге оставался туристический ботинок, а на левой виднелись лишь остатки носка. Подойдя ближе, Ольга брезгливо поморщилась и положила руку на кобуру, а Андрей присел, заглянув под пуховик и ощупав тело. Внимательно осмотрев спину со следами укусов, он перевернул покойника на бок и взглядом указал Ольге на правую руку поляка.

– Максим Ильич, не подскажите, куда вы дели ладонь гражданина Великопольской республики? Неужто он понёс наказание за воровство или, Боже упаси, за рукоблудие?

– Не смешно, Ольга. У Димы родилась светлая идея попытаться опознать его по отпечаткам.

– Да ладно, не бухти. Сработало?

– Нет. То ли мы что повредили, то ли живой нужен.

– Что же ты в свою гоп-бригаду мозговитого никого не взял, а? – иронично спросила Ольга, а затем обратилась к своему напарнику, который всё ещё осматривал тело, – Андрюх, чего про поляка скажешь?

– Неиницированная “единичка”, – начал говорить Андрей, с фонариком осматривая голову поляка. Упокоенная день-два назад. Глаза впали настолько, что веки усохли. На грудной клетке следы множественных попаданий из огнестрельного оружия и специфические УФ-ожоги. Молодцы, профессионально сработали. А вот сзади уже гораздо интереснее, – Андрей снова повернул тело на живот и позвал Ольгу, – смотри.

Ольга, стараясь не дышать, подошла к Андрею и посмотрела на плохо различимые раны на спине трупа.

– Я ни черта не могу разглядеть, что в них особенного? Можешь объяснить?

– Сейчас будет понятнее, – Андрей натянул на спину трупа окровавленную рубашку, на которой виднелось несколько дыр в форме полумесяца. При наложении искромсанной ткани поверх кожи белёсые шрамы проступили более чётко. Ольга подрагивающей рукой прикоснулась к рубашке, чуть натягивая её и пригляделась, близоруко шурясь.

– Они маленькие, словно... – Ольга осеклась.

– Словно детские, – закончил за напарницу Андрей. – При этом они разные, то есть их, как минимум, двое.

– Свежеобращённые? Дети-”единицы” ведь без присмотра не выживают.

– Значит, они под присмотром и совсем не дикие. Они не деградировали, – Андрей указал на изорванные джинсы, – они охотились руками, может даже и не охотились...

– ... А играли, – Ольга выпрямилась и сделала шаг назад. – Андрей, закрой, пожалуйста.

– Что? – Андрей с удивлением посмотрел на Ольгу.

– Убери, блять, пожалуйста, этого жмура с моих глаз! – она говорила, пытаясь скрыть дрожь в голосе и периодически срываясь на шёпот. – Максим Ильич вместе с тихо подошедшим сыном смотрели на Ольгу с нескрываемым любопытством.

Андрей, поджав губы, чуть кивнул и, расправив мешок для трупов, на котором лежал мёртвый поляк, накинул его тому на плечи. Взявшись за собачку молнии, он с характерным шумом потянул её вверх, скрывая окоченевшее тело.

– Извините меня, – натянуто улыбнулась Ольга. – Не люблю мертвецов. – Она зашарила глазами по складу, ища, чем можно отвлечь внимание от себя. – Что с контейнером?

– А что с контейнером? Хотите, забирайте, – ответил Ильич. – Только МИД на нас не наводите. Это не наших интересах, так ведь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.